Ольга Апенченко

Сергей Королев

КОГДА ИМ БЫЛО ДВАДЦАТЬ

Ольга Апенченко

Сергей Королев

Издательство
политической литературы
Москва · 1969

6Т5.2(09)
А76

Апенченко Ольга.

А76 Сергей Королев. М., Политиздат, 1969.

143 с. с илл. (Когда им было двадцать).

Огромен интерес и в нашей стране, и за рубежом к подробностям жизни основоположника практической космонавтики Сергея Павловича Королева. Автор этой книги — журналист Ольга Апенченко знала его при жизни. На основании бесед с академиком Королевым, на основании документов и свидетельств людей, знавших Сергея Королева в его юношеские годы, и написана эта документальная повесть, в которой рассказывается о первых шагах крупнейшего конструктора и организатора в области ракетно-космической техники, о первом периоде его формирования как личности, о людях, влиявших на его развитие.

«Сергей Королев» — вторая книга Ольги Апенченко, выпущенная Политиздатом. Первая, вышедшая в 1961 году, была о Юрии Гагарине.

1—2—4
225—68

6Т5.2(09)

Человек, который вывел людей в космос

4 октября 1957 года Советским Союзом был запущен искусственный спутник — был сделан первый шаг во Вселенную.

Кто же те, кто дерзнул на столь небывалый в истории шаг? Их тысячи. Великая Октябрьская революция раскрепостила творческие силы народа и позволила ему в ряду других блистательных побед осуществить прорыв в космос. Советские ученые, инженеры, техники и рабочие послали в космос первый в мире искусственный спутник Земли. Им, открывшим двери в космос, стоит монумент в Москве.

В славной плеяде первооткрывателей новой, космической эры был и академик Сергей Павлович Королев.

Работая рядом с Сергеем Павловичем Королевым, тысячи людей видели в нем человека завидной воли и редкой работоспособности, острого, проницательного ума и научной интуиции, удивительной дальновидности и широты взгляда. Человека яростного в работе и очень человечного в жизни.

Таким запомнился Сергей Павлович многим, кто его знал.

Его соратники по работе переняли от Королева все хорошее. Он воспитал тысячи учеников. Они продолжают его дело.

Я рассказала в двух словах о Королеве, каким видела его, каким знала. Но у каждого человека есть начало пути. Мне захотелось найти это «начало» Королева, когда зародилась его «одна, но пламенная страсть», когда он сделал свой первый шаг в будущее. И я поехала по местам его юности, разыскивала людей, знавших его сорок пять лет тому назад, поднимала в архивах документы, хранившие лучше, чем память людей, события давно минувших дней.

Мне удалось найти учителей Королева, его одноклассников и друзей, однокурсников по институту и профессоров, учивших его, летчиков, с которыми Сергей Королев начал летать, и конструкторов, с которыми он делал свои ранние проекты.

Немало интересного открылось мне в архивах, например протокол о самом первом проекте Сергея Королева, который он разработал в семнадцать лет.

И вот каким мне представился по рассказам, документам и по воспоминаниям самого героя Сергей Королев в свои шестнадцать — двадцать лет.

Море уходит в небо

Сергей прыгнул с подоконника, схватился за ветку и повис, раскачиваясь, как обезьяна. Сзади что-то не пускало. Покрутившись на весу, он пытался высвободиться, но...

— Ш-ш-ш-ш,— шипел внизу Жорж Калашников.— Тебя схватил Темцуник и хочет привязать к уксусному дереву.

Сергею было не до шуток.

— Подтяни сам себя за шиворот,— не унимался Жорж.

Внизу беззвучно давились от смеха друзья.

Почти вывернув себя наизнанку, Сергей избавился от вцепившейся в спину колючей ветки и прыгнул на землю.

— Бежим!

По-кошачьи пригибаясь к земле, выскользнули за ограду школы. И только когда вышли на Старопортофранковскую, Сергей Королев дал тумака Калашникову.

А Калашников, оставив в покое Королева, допекал Константина Беренса.

— Котька! Может, вернешься, а? Темцуник с тобой проведет душеспасительную беседу. А?..

Беренс мялся. Отец его недавно вернулся из плавания и заплатил кругленькую сумму, чтоб он, Котька, за лето прошел с учителями шестой класс и осенью поступил в седьмой.

Была революция, гражданская война, интервенция — не учились ребята. А теперь наверстывали. Занимались-занимались и вдруг сбежали всей группой. Преподаватель математики Федор Акимович Темцуник запаздывал, немного подождали... и через окно.

На минуту и в душу Сергея закралось раскаяние: отчим с большой надеждой устраивал его в стройшколу, расхваливал ее преподавательский состав, говорил Сергею: «Ты получишь там образование». В школу пришел он, когда учебный год уже начался, надо было догонять. И вдруг удрал с занятий...

А Жорка Калашников продолжал свое:

— Не плачь, Котька. Пусть лучше поплачут твои денежки. Слушай меня, я расскажу новый анекдот!

Ворот рубахи небрежно расстегнут, темные густые волосы упали на глаза. Этот подросток в свои неполные семнадцать лет был настоящим одесситом — и не только по рождению — по характеру, по образу мыслей. Безмятежно выстукивал он своими «балетками» на деревянной подошве по пыльной одесской мостовой и вел за собой ватагу ребят.

— Куда?

— Айда на Хлебную!

Спустились по Херсонскому спуску и узкими улочками, проходными дворами вышли к Хлебной гавани. Хлебной называли ее по привычке, хлеб сгружали давно в другом месте. Мельница Вайнштейна — ее тоже называли так по привычке, предпринимателя Вайнштейна два года как и в помине не было — пока тихо пустовала. А отлогий берег рядом с мельницей оккупировали одесские мальчишки.

Сбросив на камни свое немудреное одеяние, ребята полезли в воду.

— Догоняй! — крикнул Сергею Жорж и, нырнув, поплыл под водой.

Королев прыгнул следом.

Затонувшая землечерпалка лежала в воде, точно прирученный кит. Мальчишки подплывали к «киту» и, вскарабкавшись ему на «спину», снова ныряли.

Сергей лежал, распластавшись на «спине» у «кита», подставив жаркому одесскому солнцу плечи, и исподволь наблюдал, как плавает Валя Божко: он входит в море всегда немножко боком, сильным взмахом левой руки подминает под себя воду и скользит по ее поверхности, легкий, стремительный. У Вали нет кисти правой руки — потерял ее мальчиком от пули интервентов. Он был очень худ и очень высок, носил длинные волосы и поражал всех бурной жизнерадостностью. Сергей даже думал, что, наверно, эта пуля дала ему такой заряд, он почувствовал вкус к жизни и понял, что надо побороться за нее. И за себя. С удивлением, а порой и восторгом Сергей следил за Валей Божко в стройшколе и вне ее. Этот парнишка жил наперекор своей судьбе: лишившись руки — решил стать строителем, получив инвалидность — занялся боксом, и удар его левой слыл по всей Одессе. Один возглас «Валя Божко!» — и драчуны тотчас разбегались.

Валя отличный пловец. Сергей помнит, с каким азартом учил его Валя на Австрийском пляже нырять с двухметровой высоты: «Коснешься воды и тут же выгибайся, как рыба». Сергей научился-таки нырять.

Валя подплыл, отфыркиваясь, и одним рывком взобрался на «кита». Лежали рядом. Сергей, улыбаясь одними глазами, кивнул на водную гладь:

— Нырнем?

Нырнули.

Пробовали, кто дольше продержится под водой. Сергей неизменно брал верх. Не отставали от него только Валя Божко да еще Володя Егоров. Они не хотели оспаривать первенства. Но друзья подзадоривали. Особенно любитель острых ощущений и спортивных зрелищ Толик Загоровский: «Давайте, кто дольше! Давайте, кто дольше!» Решили его проучить. Сергей, Валя и Володя, сговорившись, вместе нырнули и поплыли, но не в открытое море, а вдоль берега. Загоровский ждал минуту, две, три и не выдержал:

— Ребята утонули! Спасай!

А Королев, Божко, Егоров и состоявший с ними в заговоре Калашников уже подходили к проволочному заграждению, за которым была территория гидроавиации. Завидев неподалеку летчика, повисли на проволоке.

— Слушай! — закричал Жорж Загоровскому.

— Это вы мне? — изумился летчик.

— Это он всем,— улыбнулся Сергей.

Летчик был одет по всей форме: фуражка с крабом, белоснежная рубашка с галстуком, синяя куртка и черные брюки. Одиноко сидел он на деревянных сваях и, казалось, был рад неожиданным собеседникам.

— А вы почему сегодня не летаете? — вежливо поинтересовался Сергей.

— Механик у меня сбежал...— мрачно признался летчик.

— Как «сбежал»?

— Да так...

И летчик доверительно рассказал:

— Получили мы недавно «Савойи» — итальянские гидросамолеты. Распределили машины, а мне старую

«девятку»[1] оставили. Я не против — к машине привык. А чтоб не обидно было, взял да и написал на борту «Сокол». Русаков тут у нас есть. Может, видели — с баками такой... Как загоготал: «Ого-го-го... Вот те «Сокол»!» Лодка-то старая, приходишь из полета — тут кусок перкаля висит, там... И вот приехал недавно в отряд начальник один. Выстроили все машины, как на парад. Шляпников наш парады любит. Летчики стоят, одеты с иголочки. И самолеты тоже с иголочки. Только моя девятка заштопанная, потертая. Начальник к румынам лететь собрался, вести переговоры. Ну, понятно, ему лучшую машину. Ведут к новенькой «Савойе». А он вдруг подходит к моей «девятке». «Вот я на этой и полечу,— говорит.— Старый конь вернее молодого...»

Все так и ахнули.

Взлетели мы. Только далеко улететь не пришлось. Там, за Большим фонтаном, будто кто-то схватил за штурвал, перестали работать рули глубины. Посадил я машину в море, подрулил к берегу.

Осмотрел рычаги управления — болты съедены. Заменили. Снова взлетели, взял курс на Днестр. Так вот, значит, возвращаемся мы с Днестра поздно вечером. Летим вдоль берега, а береговые батареи по нас лупят. Забыл начальник во всей этой суматохе предупредить командование о нашем обратном полете. Приказывает мне: «Огней никаких!». Так и идем: один маяк да луна — вот и все освещение. Посадил все же я свою «девятку» вон там, за волнорезом.

Втащили лодку в ангар. Механик! Где механик? А его и след простыл. До сих пор нет. Думаю, его это дело рук — болты. Никто к самолету, кроме него, не

---

[1] Гидросамолет М-9 конструкции Григоровича.

прикасался. Сбежал ведь, словно сгинул, сукин сын... Вот я и гуляю.

Летчик замолк, поднялся со свай и, приставив руку козырьком к глазам, стал вглядываться вдаль. Мальчишки тоже. Там, где сходилось море с небом, видны были летающие точки. Авиационный гидроотряд охранял советские берега.

— Наши возвращаются,— летчик подошел к деревянным спускам и стал ждать.

Послышался гул, сначала неясный, потом он перешел в четкий рокот, и вот уже в ушах стоял треск — гидросамолеты, сделав круг, шли на снижение.

Садились они далеко за волнорезом и на тихом ходу подруливали к деревянным спускам. Не успел еще первый самолет коснуться причала, как на берег высыпали матросы в тельняшках, бескозырках и парусиновых робах. На ленточках золотом выведено: «Гидроавиация Черного моря».

Цепкими руками они хватали лодки за борт. Придерживая за крылья, осторожно поднимали по деревянным настилам, на минуту останавливались, пока выберутся из кабины летчик, летчик-наблюдатель, моторист, и, чуть приподняв с мостков, ставили лодки на тележки и увозили их в ангар. Матросы работали четко, быстро, казалось, играючи, как грузчики в одесском порту. И были небрежно грубы, как грузчики.

На берегу стало шумно, говорливо и суетно. Переговаривались летчики, вернувшиеся из полета, собравшись в кружок у самого берега. Шумно смеялись над чем-то.

— Боровиков, иди сюда. Ты только послушай!..

Летчик, стоявший с ребятами у проволоки, пошел к ним, и мальчишки, почувствовав себя здесь лишними, снова полезли в воду.

...По утрам Сергей Королев занимался в строительной школе, а после уроков неизменно шел купаться в «Гидроавиацию», как называли этот кусочек моря и пляжа, прижатый с одной стороны стеной судоремонтного завода, с другой — проволочной загородью морского авиационного отряда «ГИДРО-3». Нанырявшись вдоволь с затонувшей землечерпалки, Сергей всякий раз подплывал к деревянным сваям и, улучив момент, заговаривал с кем-нибудь из гидроотряда.

С того памятного дня Сергею не давала покою мысль: попасть в гидроотряд, летать! Он искал глазами знакомого летчика и не находил.

— Ты чего, парень, все высматриваешь? Тебе что надо?! — как-то грозно окликнул Сергея часовой; этот матрос честно нес службу.

— Начальника позови, ему скажу. А ты все равно не поймешь...

— Начальника?! — ухмыльнулся матрос.— Вася! — обернувшись к ангару, прокричал он.— Тут начальника просят.

Раздвинув в обе стороны зеленые брезентовые шторы ангара, вышел человек тремя-четырьмя годами старше Сергея, на ходу вытирая руки мотком спутанной разноцветной пряжи. Одет он был в тельняшку и морскую фуражку. Весь какой-то розовый, чистый, несмотря на свой замасленный комбинезон.

Сергей вылез из воды и в одних трусах пошел навстречу. Тот, как знакомому, подал руку.

— Долганов. Механик. А те кого?

— Летчик тут у вас есть... Механик у него еще сбежал...

— А... Боровиков. Так он в штабе отчеты пишет...

Сергей грустно кивнул и пошел назад к морю, нырнул и поплыл. Механик минуту еще стоял на берегу,

все вытирая и вытирая руки, и вдруг закричал вслед Сергею:

— Э... Постой! — Сергей подплыл к деревянным настилам.— А ты что? Может, на работу наняться хотел? Я поговорю...

— Не, я, я...— Сергей помялся.— Я просто хотел поговорить.

— А! Про самолеты,— понял механик.— Пойдем, я тебе расскажу.

Сергей не ожидал такого приглашения, но принял его с радостью и пошел за механиком.

Бублики, горячи бублики.
Берите бублики, народ честной,

— донеслось из ангара.

— Иван Савчук распевает,— кивнул механик,— самый веселый парень у нас в отряде.

Гоните рублики,
Берите бублики...

И вдруг песня оборвалась.

— Ребята! — закричал Иван Савчук.— Долганов еще одного моториста из моря выловил! Богатый же у тебя улов сегодня, Вась!

Механики, разбиравшие в мастерской моторы, дружно хохотнули. Но, быстро забыв про шутку, принялись за свое привычное дело — разборку моторов.

Иван Савчук не был мотористом. Он был летчиком-наблюдателем (так тогда называли штурманов), но в гидроотряде, где всего-то числилось шесть самолетов, шесть летчиков, шесть летнабов, шесть механиков и шесть мотористов, не было четкого разделения обязанностей.

Механик Долганов, самый молодой в отряде,— все называли его не иначе как Вася — подошел к дере-

вянной тележке, на которой лежал снятый с гидросамолета мотор, и, разыскав старый ящик, поставил его перед Королевым. Сергей сидел на не очень-то уютном «кресле», поеживаясь от холода, и слушал наставления Долганова по моторному делу. Механик ловко орудовал ключами, отвертывая то одну, то другую деталь, называл ее. Разобрав по винтикам мотор, Долганов протянул Сергею ключи и неожиданно предложил:

— Собери!

Сергей растерялся, но ключи взял и, вспоминая пояснения механика, принялся за дело. Он так углубился в работу, что не заметил, как двери мастерской распахнулись и в просвете появился человек в летной морской форме. Он быстрым взглядом окинул мастерскую и направился прямо к столику Долганова. «Шляпников,— успел шепнуть Сергею механик.— Начальник отряда».

— Это еще что за привидение?! — грозно посмотрел начальник на Долганова, будто это он, а не Королев стоял перед ним навытяжку в одних трусах.

— Алексан Васильич... он помогает... Моторы вот перебирать...— растерянно залепетал механик.

Шляпников продолжал смотреть гневно.

— Может, вы себе завтра русалок в помощники приведете?

— Алексан Васильич... Он ведь интересуется вот...

— Одет, говорю, не по форме! — гаркнул Шляпников.— Два наряда вне очереди!

— Но он же...— начал было Долганов и тотчас замолк — начальству перечить было бесполезно.

Шляпников повернулся на каблуках и, не сказав больше ни слова, вышел.

— Что будем делать? — растерянно проговорил Долганов.

— Как что? Выполнять наряды! — обрадовался Сергей.

— Но тебя ж завтра сюда не пустят. Часовой...

— А я опять заплыву!

Сергей был счастлив, что, еще не работая в гидроотряде, получил два наряда вне очереди. За этими нарядами он на следующий день приплыл в гидроотряд, держа в одной руке над головой одежду, выждал, когда часовой пошел в обход, и, выскочив из воды, быстро скрылся в ангаре.

— А! Долгановская русалка выплыла! — обрадовался Савчук случаю подковырнуть механика. И пока Сергей Королев натягивал штаны и рубашку, не закрывая рта, измывался над Долгановым.

— Вася! Не к лицу русалке наряды выполнять. Ты бы сходил и сам помыл гальюн...

На другой день Сергея Королева знал весь гидроотряд.

...Полеты начинались с рассветом. Сергей вставал вместе с солнцем и, наскоро умывшись, тихо спускался по лестнице, стараясь не разбудить отчима — тот уже начинал сердиться за слишком бурное увлечение авиацией, боялся, как бы это не отразилось на учебе. А Сергей часа за четыре до начала занятий в школе был уже в гидроотряде.

— Сережка пришел! Помогай спускать! — встречали его матросы.

Сергей вставал в цепочку, подхватывал вместе с матросами гидросамолет, ставил его на тележку и подвозил к спускам, осторожно переносил на деревянные помосты и еще более осторожно скатывал в воду.

Самолеты покачивались на волне. Плоскости выкрашены блестящей лаковой краской: сверху — зеленые под цвет моря, снизу — ярко-желтые. На бортах лодок — опознавательные знаки — круг, а в кругу

неофициальный знак владельца — бубна, черва, трефа...

«Бубновым тузом» гидроотряда был Александр Васильевич Шляпников. Он стоял на берегу в синей форменной куртке, белой фуражке с золотым крабом, будто готовый к параду. Он шел в полет. Выпуская вперед подчиненных, командир отряда следил за их взлетом.

— Алатырцев! Хорошо пошел. Красиво!

— Русаков, Русаков... Э, утюжит! — укоризненно качал головой командир.— Раскачивай смелей! — будто Русаков мог его услышать на взлете.

Один за другим взмывали в небо с моря самолеты, поднимая за собой водяной шлейф брызг.

Гидроавиационный отряд «ГИДРО-3» нес службу. То были и тренировочные полеты, и полеты по заданиям командования, и участие в ежегодных осенних маневрах флота. Гидросамолеты в Одессе были одной из боевых единиц Черноморского флота. Участвуя в маневрах, они проводили разведку, корректировку артиллерийской стрельбы, бомбометание, пулеметные стрельбы, поддерживали связь.

Гидроавиационный отряд выполнял также задания, связанные с охраной границ нашей Родины, оказывал помощь судам, терпящим бедствие, участвовал в розыске судов, угнанных в море во время шторма.

Жизнь гидроавиационного отряда была напряженной и разнообразной. И Сергей Королев, прибившись к отряду красных летчиков, жил этой нелегкой интересной жизнью, выполняя свое маленькое дело: подготовку гидросамолетов к полету.

В воздух должен был подняться Шляпников. Он сел в кабину и начал проверять рули. Василий Долганов — он летал механиком со Шляпниковым — вылез на плоскость, еще раз осмотрел мотор, запустил его и,

довольно кивнув головой, тоже спустился в кабину. Третье место было свободным. Механик посмотрел на берег, потом на Шляпникова.

— Александр Васильевич, а? — он больше ничего не сказал, но летчик понял.

— Ладно. Бери.

— Сергей! Сюда давай! — крикнул Долганов.

Сергей Королев вмиг оказался в самолете. Василий Долганов сел вперед на место летчика-наблюдателя, а Королева посадил рядом со Шляпниковым.

Взревел мотор. На тихих оборотах вышли из гавани. Было похоже, что плывешь в моторной лодке. Если бы не тонкие струны растяжек, не две плоскости по сторонам, Сергей мог бы забыть, что он в самолете. Кругом море, тихое, спокойное, утреннее море.

Далеко за волнорезом Шляпников, поработав рулями, чуть развернул самолет.

— Взлет против ветра! — прокричал он в ухо Сергею.

Заработав на полных оборотах, лопасти винта погнали по морской глади частую зыбь. Вдали замелькали порт, набережная, вокзал. Сергей впервые почувствовал необычайную легкость. Василий Долганов, сидевший впереди на месте летчика-наблюдателя, все время следил за ним, обернувшись назад. «Ну как?» — спросил он глазами, когда взлетели. Сергей пристально вглядывался в берег.

— Вижу порт! — прокричал он.— А вон и мой дом!

Долганов не раз наблюдал новичков в первом полете. Изогнувшись назад, он громко спросил:

— А ты Жучку свою не увидал?

Сергей обиделся. А Шляпников улыбался, он тоже десятки раз «проветривал первачей». Знал, что ориентироваться им трудно, ветер забивает глаза, вышибает слезу, дашь крен — и у новичка земля пошла кругом.

Но он храбрится: «Видел! Все видел!» Но он-то, Шляпников, знает, что ничегошеньки он не видел... Потому и улыбается.

Покружив над городом, летчик направил свою «лодку» в море. Шли против Аркадии. Сергей, немного освоившись, стал наблюдать, как работает Шляпников. Спокойно, едва заметно шевелит рулями глубины, нажимая ногами педали. На лице и мускул не дрогнет, и только румянец еще больше разгорается на ветру.

Шляпников поймал пристальный взгляд Королева и нагнулся к нему:

— Возьми штурвал, попробуй!

Сергей обмер, обеими руками схватился за штурвал. Шляпников покачал головой:

— Пальчиками! Пальчиками! — и сделал кончиками пальцев движение, как будто брал иголку.

А штурвал уходил куда-то вперед, и не то что пальчиками,— казалось, никакой силой удержать его невозможно. Гидросамолет начал клевать носом. Шляпников спокойно взял управление и, едва уловимым движением выправив машину, повел на посадку. Мягко посадил лодку на три точки.

Так красиво и точно могли сажать самолет в отряде только двое — Шляпников и Алатырцев.

Выбрались на берег. И Шляпников стал тут же давать Королеву «инструктаж».

— Не надо хвататься с жадностью за штурвал,— наставлял он.— А когда машина клюет и штурвал рвется у тебя из рук, выбирай его мягко, нежно...

— Ну, Алексан Васильич,— вступился Долганов,— ведь вы, когда учились летать, небось так же схватились.

— Учился...— усмехнулся Шляпников.— В бою. Летчика на месте не оказалось: один он был в отряде

и уже находился в воздухе. А пришло срочное задание — бомбить Врангеля. Я мотористом был, хотя за штурвалом уже сидел. А тут надо лететь — и некому. Сел в самолет и полетел. По прямой... Больше никак не мог...

Так и привез из этого полета Александр Васильевич тридцать пробоин и орден Красного Знамени.

«Так вот с каким человеком я впервые поднялся в воздух»,— подумал про себя Сергей.

А позже Сергей Королев узнал еще более удивительное: Шляпников штурмовал Зимний!

Вырос Александр Шляпников на рыбацких островах, на Псковском озере. Большая бедняцкая семья рыбака все лето вела промысел, а весной, когда кончался нерест рыбы,— в Питер, в отход. Там Александр работал и ломовым извозчиком, и грузчиком.

Пришел семнадцатый год. Александр к тому времени служил в морской авиации; вначале рядовым матросом, потом мотористом во Второй воздушной бригаде, что стояла в Финляндии. Обслуживал гидросамолеты.

Накануне революции записался Александр Шляпников добровольцем в отряд, который готовился штурмовать Зимний.

Комитет Балтфлота, возглавляемый Дыбенко, собрал в Гельсингфорсе двести матросов и привез их в канун революции в Петроград. Под вечер 25 октября Александр Шляпников был среди других близ Дворцовой площади — в Александровском саду — и ждал выстрела «Авроры». Потом брал Зимний.

...Сергей шел по Пушкинской с матерью. Был чудесный день. И солнце, и голубое небо, и зеленые лаковые листья платанов, и гроздья белой акации.

— Посмотри, Сережа, какие красивые облака! — сказала Мария Николаевна.

— А если б ты знала, какие они красивые сверху!

Мать в изумлении остановилась:

— Так для этого надо летать!

— А я и летал, мамочка...

А дома вскоре произошла ссора. Отчим не пустил Сергея утром в гидроотряд, сказал, что надо думать больше о занятиях, а не о своих увлечениях, что самолеты еще не так совершенны, чтобы на них летать мальчишкам, опытные летчики разбиваются в «щепки».

Сергей опоздал в тот день к началу полетов. Но после занятий в школе упрямо пошел в гидроотряд. Он уважал отчима, но авиация уже не была для него просто увлечением.

Одиноко, тоскливо сидел он на сваях, поджидая летчиков из полета. Смотрел и смотрел туда, где кончается море и начинается небо. Брал одной рукой камешки и бросал в воду, слушая всплески. Сзади послышались мерные шаги. Сергей не обернулся, он знал — это вышагивает часовой, часовые давно уже перестали вылавливать Королева на территории отряда, а с того дня, как Шляпников взял Сергея в полет, даже относились к мальчишке с почтением. Но вот зашуршали еще чьи-то шаги. Человек подошел и стал у него за спиной:

— А... Это вы? — услышал он знакомый, чуть с хрипотцой голос и обернулся.

Да это же тот самый летчик, с которым познакомился Сергей, купаясь здесь с ребятами!

— А я вас искал! — обрадовался Сергей.— Фамилию вот забыл... Но мне сказали, что вы в штабе отчеты пишете!

— Да, строчил отчеты,— мрачно прохрипел летчик,— по трем формам. Десять тонн бумаги извел. А фамилию мою запомнить не трудно,— оживился

он.— Бо-ро-ви-ков я. Гриб-боровик есть, слышал? — летчик сбросил куртку и остался в одной легкой рубашке. Руки жилистые, мускулистые. Он присел рядом с Сергеем на сваи.

— Прадеды мои с Петром Первым флот строили, деды все были моряками. И сам я с детства плавал. Пойдем! Наши должны на подходе быть. Встречать надо.

Далеко в море появились самолеты. Они шли строем. Третий авиационный гидроотряд возвращался с маневров.

— Вот сейчас барсонет! Вот барсонет! — схватился за голову Боровиков. Он следил за посадкой и, когда увидел, как Русаков не выровнял машину перед водой, ахнул:

— Барс! Барс! Еще барс! Тебе только с камышом ездить! — погрозил он кулаком.

Александр Шляпников не успел ступить на землю, как Боровиков к нему:

— Александр Васильевич, уволь! Дай летать — или отчисли из отряда!

— Я тебе говорю: нет у меня лишнего механика. Потерял своего — ищи сам.

— Может, он в Америку уплыл, а мне ищи! — слезно взмолился Боровиков.— Пусти одного в полет.

— Не пущу,— отрезал командир и, осмотрев стоявших вокруг, предложил:

— Хочешь, вот Савчука тебе дам, он и за механика, и за летнаба сработает, парень грамотный, высшую математику знает.

— Да, вы-то знаете, что летнаба с собой брать — что мешок с песком!

— Он просто боится со мной в одну машину сесть,— отмахнулся Иван Савчук.

Шляпников усмехнулся: а ведь летали вместе, и отлично летали... Взять и послать? В приказном порядке. Нет, не стоит. Командир еще раз пробежал глазами отряд.

— Сережка! Поди сюда! — позвал Шляпников стоявшего в стороне Королева.— Вот тебе и «механик»,— показал он на него Боровикову.— Мотор знает. Только ты проверь его все же на земле...

Получив неожиданное назначение, Сергей Королев стал готовить к полету самолет. Старая «девятка» с эмблемой «Сокол» стояла на тележке у самой кромки моря и надсадно ревела, Сергей пробовал мотор на всех оборотах.

— Готов! — крикнул он Боровикову.

— Подождем, стихнет волна.

Часа через два ветер полегчал, морщины на морском лбу разгладились.

Сергей сидел в кабине рядом с Боровиковым и то и дело оборачивался назад. На плоскости за спиной надрывался мотор. Королев прислушался к его звуку — работает ровно, хорошо — и, довольный, стал наблюдать за полетом. Боровиков вел самолет осторожно. Сергей сравнивал его с другими летчиками. Невозмутимо спокойный Шляпников. Летишь с ним и такое чувство, будто не он машину ведет, а она сама неотступно плывет за ним. Удалой, дерзкий Алатырцев — акробат в воздухе, первоклассный летчик. Бесшабашный, полный бездумной удали Русаков. И вот, наконец, сверхосторожный Боровиков. Сергей посчитал, что ему не повезло.

На подлете к гавани мотор вдруг застучал. Королев вопросительно посмотрел на летчика. Тот слушал. Когда стук повторился, Королев, ничего не говоря, поднялся с кресла и полез на плоскость.

— Куда? — поймал его за ворот Боровиков.

Сергей знал, что все механики вылезали на плоскость и проверяли мотор в полете, если надо.

— Рано еще нырять вниз головой,— прогудел ему в ухо Боровиков.

Пошли на посадку. Боровиков сделал крен и пустил машину по кругу. «Девятка», будто ожившая птица, расправив крылья, парила над морем.

Сели в нескольких метрах от берега. Это была излюбленная посадка Боровикова. О ней знали и хвастались в отряде, как фамильной драгоценностью.

Шли учения. Полеты были утром и вечером. Учились все. Даже комиссар отряда Буняев сел в самолет на место летчика-наблюдателя.

Отрабатывали парные полеты. Шляпников шел в паре с Бржезовским. В самолете рядом со Шляпниковым сидел Василий Долганов, с Бржезовским — Сергей Королев. Шли почти крыло в крыло. Пилот старой школы Бржезовский вел самолет с изысканной аккуратностью. Самолет Шляпникова дал правый разворот. Бржезовский точь-в-точь повторил, как по копиру.

Летели вдоль побережья. Механик Долганов, перегнувшись через край кабины, ободряюще махал Королеву. Сергей слушал мотор, задрав голову, смотрел, как сливаются в трепещущий красный круг лопасти винта. И неожиданно круг пропал. Стало тихо-тихо, на месте трепещущего круга четко обрисовались две красные лопасти. Мотор заглох! Летчик инстинктивно сработал рулями, взяв крен на снижение. Сергей, не спрашивая разрешения, вылез на плоскость, к мотору. Он успел лишь проверить подачу масла, как услышал крик Бржезовского:

— Садись!

Сергей схватился за стойку, его подбросило. Ударившись о верхнюю плоскость, он соскользнул с ниж-

ней — и полетел в море. Высота была метров десять. Сергей вовремя вывернулся и головой вниз пошел в воду.

Вынырнув, он отфыркался, осмотрелся и, увидев рядом черный металлический шар с рожками, замер. Отыскав глазами самолет, медленно, осторожно поплыл к нему.

Бржезовский посадил машину, правда, сам хлебнул воды, и теперь отжимал свою белоснежную рубашку.

— Выплыл? Раздевайся! — сказал он Сергею. Сергей стянул прилипшую к телу одежду и принялся ее выкручивать.

— А видели вы, что там плавает? — показав на черный металлический шар, спросил он.

Бржезовский вгляделся:

— Э... брат, куда мы попали! Мины!

Над головой раздался гул. Шляпников бросил свой самолет вниз вслед за Бржезовским. Сделал круг, стараясь с высоты понять, что произошло, но, так и не разобравшись, сел рядом.

— Что? — спросил он, стараясь перекричать шум мотора.

Сергей показал на винт, дескать, не вращается и, сложив руки рупором, прокричал:

— Заклинило!

— Надо вызвать катер! — распорядился командир.

Легко сказать «вызвать». До берега не близко. Сергей, посовещавшись с летчиками, нырнул в воду и поплыл к берегу. Рассказав береговому начальству об аварии, стал просить катер, чтобы взять самолет на буксир. Маленький, в коротких парусиновых бриджах, начальник водной станции, сидевший за рулем катера, покачал головой.

— На минное поле? Нет, катера не пройдут.

Удрученный, Сергей поплыл назад.

— Катера не придут,— коротко сообщил он летчикам.

Бржезовский, не досушив свою одежду, стал быстро одеваться и, услышав, как Шляпников запустил свой мотор, взмолился:

— Командир! Возьми меня на берег!

— А самолет? — зло посмотрел Шляпников.— Бросим?!

Летчик заметался.

— Снимай ремни! — скомандовал командир.

Все послушно расстегнули ремни, ожидая, что же последует дальше. Шляпников, связав их, прицепил один конец к хвосту своего самолета, а другой бросил в море.

— Будем ждать, когда волна прибьет меня к тебе,— сказал он Бржезовскому,— заднего хода у меня нет.

Ждали полчаса, пока море будто нехотя подпустило один самолет к другому. Сергей Королев еще раз нырнул, поймал свободный ременный конец и привязал к своему самолету. Тронулись.

Метр за метром преодолевали этот путь, усеянный черными шарами, таящими в себе погибель. Гидросамолеты скользили по морской глади на небольшой глубине, а под ними затаилась разрушительная сила, готовая каждую секунду разнести все и вся.

Шляпников пускал мотор на самые малые обороты, но ремни рвались. Их связывали, они снова рвались. Сидели, курили, давали мотору отдых и снова тихим ходом к берегу.

— Осторожно, мина! — неистово заорал Долганов, когда, казалось, уже выбрались с минного поля. Быстрым морским течением мину пригнало под крыло.

Вмиг Сергей Королев выскочил на плоскость, стараясь всем худеньким телом мальчишки утопить одну плоскость, чтобы поднять другую и пройти над миной. Зловеще покачивая рожками, черный металлический шар плясал на волне, но уже позади самолетов.

Выбрались на берег против Большого фонтана. Люди на набережной с любопытством разглядывали странный авиационно-морской кортеж из двух самолетов и подоспевшего к ним в самую последнюю минуту катера. День был воскресный, и праздная толпа одесситов облепила берег, как птица скалы на северном птичьем базаре. На редкость пестрым, то заграничнo-модным, то парусиново-деревянным был одесский воскресный Большой фонтан. И экипажи гидросамолетов, ступив на берег в мокрых костюмах, были похожи на четырех рыбаков, сошедших с корабля погулять по Одессе. Но это ничуть не шокировало одесситов.

Бржезовский предложил «по случаю спасения утопающих» проведать старый «Гамбринус». Шляпников молча кивнул, но распорядился:

— Сменить форму.

Сергея провезли мимо дома в гидроотряд, переодели в чью-то тельняшку, широкие брюки-клеш, дали фуражку с крабом и повезли в «Гамбринус».

На углу Дерибасовской и Преображенской спустились в подвальчик со старой позеленевшей вывеской. Здесь пили пиво матросы из Марселя и Сан-Франциско, Лондона и Монтевидео.

В низкой, узкой и дымной пивной вместо столов стояли огромные бочки, а маленькие бочонки, раскатанные повсюду, заменяли стулья. Было шумно, дымно и как-то спокойно, весело.

Заказали русскую горькую. И черное пиво, какое можно было найти только в «Гамбринусе».

— Ну, за то, что никто из нас не пьет сегодня с Нептуном! — поднял кружку Шляпников.

Сергей хлебнул и обжегся. Закашлялся. Водку попробовал он впервые.

— Не надо б Сережке, но чарка сегодня положена всем,— сказал Шляпников.

Стали вспоминать катастрофы. Их было немало. В воздухе отваливались крылья. Самолеты переворачивались, падали в море. Техника была еще так несовершенна. А тут все обошлось — удалось посадить гидросамолет с заглохшим мотором.

— Вы посмотрите, кто пришел! — Шляпников поднялся с бочки, протягивая вперед обе руки. На пороге подвальчика стояли трое: мрачный Боровиков и улыбающиеся во весь рот Алатырцев с Савчуком. Протиснувшись меж поваленных набок бочонков, летчики встали у «своей» бочки. Сметливый Долганов, исчезнув на минуту, добыл откуда-то доску. Ее положили на два бочонка и посадили всех.

— Жив, Сережка? — Алатырцев дружески стукнул по спине Королева. К Сергею он относился с мужской нежностью, опекал его.

Сергей только улыбался. Никто не понимал, а он был счастлив. Счастлив не тем, что удалось уйти от пут Нептуна, счастлив был тем мальчишеским счастьем, что попал в аварию, что пьет с бывалыми летчиками наравне.

— Еще по кружке пива! — заказал Алатырцев.

И тут Сергей осмелел.

— Александр Васильевич! — обратился он к Шляпникову и, разглаживая на груди чужую тельняшку, начал: — Вот мы сегодня сидели в самолете, два часа курили (хотя сам он в рот папиросы не брал), воду банкой черпали, мотор студили: пять минут работает на волне, полчаса отдыхает... А почему

рыбачьи дубки в любую погоду — и в шторм, и в грозу в море ходят и мотор не глохнет? А?

— Да...— задумчиво покрутил головой Шляпников.— Рыбачьи дубки уйдут в море и неделю гулять могут...

— На нефти ходят,— вставил Иван Савчук.

— А мы с тобой на чем? На тавоте! — засмеялся Алатырцев.

— Я тут читал недавно книжку одну о будущих полетах в стратосферу...

— Вона куда замахнулся! — ахнул Алатырцев.

А Сергей вдруг спросил его:

— Неужели и в стратосферу на тавоте полетим, а?

— Придумают какое-нибудь новое горючее, подожди...— и принялся предсказывать, какие он представляет себе разные топлива в будущем...

Заспорили. И только Константин Боровиков сидел молча, сжав кулаки, будто пришел на расплату. Лишь выпив одну за другой две кружки пива, высказался:

— Никогда не прощу, что мальчишку чуть не угробил! — сказал он Бржезовскому.

— Зря ты, Костя,— попытался успокоить его Шляпников.

Но Костю уже нельзя было остановить.

— Ты смотрел мотор?! — наступал Боровиков.

— Расконтрогаились контакты прерывателя магнето,— сказал Бржезовский.— Что бы ты сделал?

— Я бы, во-первых, не брал мальчишку в этот полет! — запальчиво ответил Боровиков.

— Ну, твою осторожность мы знаем,— попытался уколоть Бржезовский.— Только ты знаешь, какая штука: я бы, может, и не посадил машину, если б не мальчишка у меня на борту...

Один шаг в вечность

Сбежав по Ланжероновскому спуску, обогнув здание таможни и прошмыгнув мимо часового, Сергей очутился в порту, на Платоновском молу. Дома.

Дом стоял, прижавшись боком к электростанции, заведующим которой был отчим Сергея инженер Григорий Михайлович Баланин. У забора густо зеленела сирень. Во дворе маленький садик, где рядом с деревьями мать высадила пахучие олеандры и два огромных кактуса. Мать стояла на балконе и чистила ковер. Она с кем-то переговаривалась внизу, Сергей еще не видел с кем. А... Старый фонарщик Карл Аксцин, человек угрюмый и непонятный, которого портовые дети боялись, а Сергей считал встречу с ним плохим предзнаменованием.

Мать с балкона оживленно беседовала с Аксцином. Казалось, ничто не предвещало бури.

Сергей поднялся по лестнице на второй этаж. На площадке стояла чугунная тренога и, как грузинская княжна, изящно держала на трех пальцах узорное медное блюдо. В нем — кактус. Над входной дверью висело черное бра.

Сергей открыл дверь в столовую и обмер: на красном диване рядом с Баланиным сидел классный руководитель, математик, Федор Акимович Темцуник.

— Ну, проходи, проходи, что ж ты стал,— позвал Григорий Михайлович.

Баланин поднялся с дивана и начал ходить по комнате широкими, упругими шагами. Отмерив несколько раз от балкона до камина, он остановился, и, глядя в упор на Сергея, строго начал:

— Вот Федор Акимович говорит: «Мальчишки стали хуже учиться»,— отчим повернулся к учителю, как бы ища подтверждения, и продолжал: — Учи-

тель — человек деликатный, не решается прямо сказать: «Ваш Сергей стал хуже учиться». Но я-то знаю...

— Не только Сергей, не только Сергей,— поспешил смягчить строгость Баланина классный руководитель.— Вот Егоров тоже... Калашников алгебру запустил. Может, трудно им.

— Может, кому и трудно, Федор Акимович. Но тут совсем другое.

Темцуник насторожился.

— В летуны, видите ли, записался. Полеты... Самолеты... Вот при Федоре Акимыче говорю: я категорически против полетов! Надо сначала научиться ходить по земле, а потом уже летать.— И, обернувшись к Темцунику, Баланин посетовал: — Затянули мальчишку, а ведь ему учиться надо. Да и бьются там чуть не каждый день.

Сергей вспомнил о пережитой аварии и подумал, что никогда не расскажет о ней дома.

Вошла мать, открыла резные дверцы буфета, выставила на стол четыре чайных прибора. За чаем взрослые разговаривали о школе, о детях, которым помешала учиться война. А надо их как-то учить, «выводить в люди»...

Сергей сидел на краешке стула и разглядывал резьбу на темно-вишневом буфете — он как бы видел ее впервые. На дверце, распластав крылья, висела клювом вниз птица. Сергей так отчетливо представил себя в роли подвешенной вниз головой птицы, что ему стало не по себе. И он начал думать о мастере, который делал буфет. Тот мастер работал сторожем на заводе Гена. Ночью сторожил завод, а днем резал буфеты. Его буфеты славились по всей Одессе.

Опомнившись, Сергей огляделся. Федор Акимович пил чай, осторожно поднося чашку к губам, будто боялся замочить широкие бессарабские усы. Сергей

принялся разглядывать и его. И тут только увидел: нос и усы у математика были одной формы — срезанного сверху треугольника. Губы учителя были сжаты, точно он держал во рту кусочек сахару и пробовал его на вкус. Темно-карие глаза смотрели строго и прямо, как на уроке. Выпив для приличия одну чашку, Темцуник стал собираться. Сергей знал: математик никогда не позволял себе «распивать с учениками чаи» даже в присутствии родителей.

— Вы извините, я не побеспокоил бы вас, но положение серьезное,— начал оправдываться он.

— Что вы, что вы,— пожал ему руку Баланин.— Спасибо вам.

— Очень хочется ребятам дать образование,— на прощание сказал Темцуник и вышел.

Бедный бессарабский крестьянин, получивший с большим трудом образование (изучая, например, механику, он перевел с французского трехтомный труд Аппеля), Темцуник хотел одного: чтобы его ученики поняли, что им дает недавно родившаяся Советская власть — возможность получить настоящее образование.

Сергей спал на красном диване в гостиной. Ночью ему приснилось, что птица на темно-вишневом буфете взметнула крыльями и улетела.

По привычке он проснулся с рассветом, проскользнул вниз по лестнице — и к молу. По песчаной косе ушел далеко к маяку. Сел на камни. Долго смотрел на пустынное открытое море. И как-то сами собой родились стихи. «На Севере диком»... Подражая поэту, Королев слагал стихи о скале, об одиночестве, о тоске...

Осенние волны с яростью били о волнорез и рассыпались мириадами звезд. И было в этой ярости для Сергея великое успокоение. Разбушевавшаяся морская

стихия как бы передала ему свою твердость. И силу. И удивительную неустрашимость.

Искупавшись в ледяной воде, Сергей торопливо оделся, заскочил домой, взял тетрадь, засунул во внутренний карман куртки и пошел в стройшколу.

Вот и Старопортофранковская. Длинное, в полквартала, серое здание строгой архитектуры, бывшая Мариинская гимназия, теперь была строительной профшколой № 1. Заведующий учебной частью школы Александр Георгиевич Александров собрал сильный преподавательский коллектив: математик Федор Акимович Темцуник, физик Владимир Петрович Твердый, литератор Борис Владимирович Лупанов, преподаватель естествознания Владимир Иванович Седенко, физик Михаил Иванович Хасапов, литератор Павел Сергеевич Златоустов, химик Михаил Львович Руднев и художник Александр Николаевич Стилианути были превосходными педагогами. И о стройшколе заговорили в Одессе. Первыми заговорили родители. «Хотите дать своему ребенку образование, устраивайте в стройшколу!» — передавалось из уст в уста.

А потом заговорили и работники просвещения: образование — образованием. Но это же строительная школа, нужна специализация! Стали вводить специальные предметы. Прислали инженера-архитектора Владимира Андреевича Бортневского преподавать архитектуру. Его же поставили заведующим школой. И началось...

В класс Бортневский являлся после сильного похмелья. Ученики сложили про него песню, которую распевали на мотив известной застольной:

Налей, налей, Бортневский,
Заздравную чару...

Пропускал он занятия больше, чем самый отъявленный прогульщик. А чаще ученики ходили к нему на

дом и брали уроки частным образом, за полфунта муки.

Над Бортневским в стройшколе потешались. И те редкие уроки, на которые он являлся, превращались в буффонаду.

Прекрасный педагог и вдумчивый человек, Александр Георгиевич Александров немало поломал голову: что делать со своими не в меру разошедшимися учениками? Революция родила новую школу, дала ей имя «Стройпрофшкола», а суть-то пока осталась старая, и ученики в нее пришли прежние... Что-то надо было делать. Очень осторожно, бережно, чтобы не задушить то великое чувство свободы, какое после революции пережил почти каждый: все можно, все доступно, все в твоих руках! Но не дать на этой почве развиться хамству, своеволию, надругательству над человеком...

Королев в проделках своих изобретательных соклассников не участвовал. Он был как-то взрослее их, хотя многие были старше его годами.

...Сергей вошел в класс со звонком. Все на местах. Два ряда девочек — к окну, два ряда мальчиков — к двери. Их объединили, а они по привычке сидели раздельно, и даже старосты были разные — Меликова и Егоров. Никак не могли привыкнуть к совместному обучению и шутили по этому поводу: «Вторая Мариинская воссоединяется с Первой Ришельевской».

В школе холодно, все в пальто.

Девочки сплетничают шепотом об учителях. Нина Даташвили пишет Райке Флейшмахер рецепт пирожков из кукурузной муки. В углу ведут нескончаемый спор «за Маркса и за Энгельса» Йоффик и Надя Абезгауз.

— Вы что, не уходили со вчерашнего дня? — ехидно на ходу бросает Сергей и садится на свое место, на

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ КОРОЛЕВ.

С. П. Королев и Юрий Гагарин.
Встреча на митинге в апреле 1961 года.

Протокол №1

Общего собрания кружка Морского воздушного спорта "Д.В.Ф" и молодой группы планеристов от 3 июня 1924 г.

При присутствии: т.т. краснофлотцев Иванова Долганова, Семенчато Горевского, Федотова, Ловзе; Рассвина, Лисина, Степановского, Власенкого Н. Власенкого А. Росвадуна, Вольфовича Л. Вольфовича, Королева, Калашникова, Воинова, Соколова, Сиротенко, Куркина, Кристалев.

Повестка дня:

1) Суммирование протоколов
2) Избрание правления
3) Текущие дела:

Постановили

Слушали

Текущие дела:

1) т. Иванов предлагает просить Д.С.С. через Доброфлот выслать чертежи «Фрактолет»

2) т. Семенчато сообщает, что Од Ауб отд ОСУК приобрел книгу по теории авиации

3) Слушали о чертежах т. Королева:

Решили

Просить Доброфлот разрешить для Общества кружка отдать книгу.

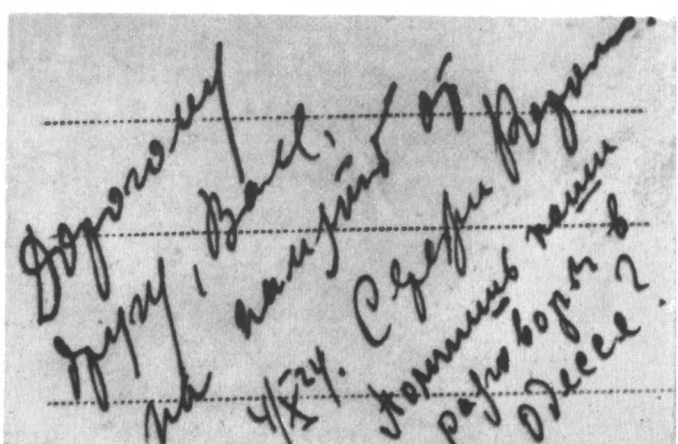
Предложить т. Королеву в прошлом сделать закончить разработку проекта аэроплана безмоторного самолета

Председатель (Краснофлотец) Иванов

Секретарь Г. К...

Протокол собрания, на котором обсуждался первый проект Сергея Королева.

Сергей Королев.
Фотография, подаренная
другу юности
Валериану Божко.


Дорогому
другу, Вале,
на памятъ от
4/X-24. Сергей Королев.
Хорошенько помни
разговоры в
Одессе?

третью парту в третьем ряду. Сосед Вали Божко по парте Толик Загоровский, занимаясь гимнастикой, сломал руку и долго не посещал школу. Сергей пересел на парту к Вале. Сергей только успел шепнуть: «Темцуник был у моих дома...»

Владимир Петрович Твердый прошел к столу, весь какой-то тугой, сбитый, одно слово — Твердый.

— Ну-с, на чем мы остановились прошлый раз? — как всегда, начал он, извлекая из дебрей портфеля схемы, диаграммы. Чего там только не было, в этом пухлом черном портфеле: конспекты лекций для студентов университета и политехнического института, курс физики, математики, сопромат, программа лабораторных занятий для стройшколы. Твердый поспевал везде.

Как он читал!.. И вот уже нет больше повес, беспечных и веселых, а смотрят на Твердого серьезные, жадные, ненасытные, открывающие по-новому мир глаза.

Он кончил. А в классе еще долго стоит тишина. Учитель начинает опрос. Артистично отвечает Жорж Назарковский.

— Следующий пойдет...— Твердый провел пальцем по списку в журнале,— Вануцци.

Сергей не понял, кого вызвал учитель. Но вот встал и пошел к доске Жорж Калашников. Калашников — Вануцци?! Калашников — итальянец? Это для него новость! Сергей привык не удивляться никакой нации в Одессе. Друг Жоржа Костя Беренс — полунемец-полугрек, Винцентини Ляля и Юра, потомки известного молдавского виноградаря, тоже, наверное, в каком-то колене итальянцы, Володя Бауэр — наполовину немец, Сагакова Варя — армянка, Нина Даташвили — грузинка, Пашка Марченко — украинец, Пилька Леви

и Яшка Канторович — евреи, Нина Соловьева — русачка, с Волги. Но Калашников... итальянец?!

В перемену он подошел к журналу и увидел — черным по белому так и написано: «Калашников-Ванунцци».

Этот новоявленный итальянец даже у доски был оригиналом. Не зная ни на йоту сути, не потрудившись даже открыть учебник, он умел заинтересовать рассказом, он потрясал эрудицией. Но Твердый был Твердый. Он требовал формул. И тут велеречивость Калашникова-Ванунцци иссякла.

Вызвали на помощь соседа по парте, друга Жоржа, Константина Беренса, и все, как бывает в кинематографе, раскручивалось в обратную сторону: когда надо было говорить, Костя не мог выдавить из себя слова. Но как только доходило дело до формул, строчил так, что только крошки мела летели во все стороны.

В учительской Владимир Петрович с тем же пылом, с каким он читал лекции, говорил о своих учениках:

— Как невероятно талантлива наша молодежь! Беренс, Калашников, Игорь Моисеев, Михаил Минкус, Гомбковская, Винцентини, Эмма Цесарская! Надо развивать в них таланты, надо поддерживать их...

Сергей Королев талантами в школе не блистал, он был из спокойных, ровных учеников.

Классный руководитель Федор Акимович Темцуник часто наблюдал за Сергеем во время урока: лицо серьезное, а глаза смеются, всегда смеются. Так и запомнил он его серьезным, с вечно смеющимися глазами. Никогда не поднимет руки, никогда не рвется ответить, но если спросишь — всегда знает... Королев был у математика как бы резерв, который в любую минуту можно пустить в действие. Потому Темцуник и был особенно обеспокоен тем, что Сергей стал меньше заниматься.

Учитель, слушая ответы Королева, невольно почему-то вспоминал другого своего ученика — Гамова. Неуловимо чем-то они были похожи — Королев и Гамов. Но чем же? Чем? Может быть, внутренней уверенностью в себе? Или удивительно красивой сдержанностью и каким-то внутренним спокойствием?..

— Никто не знает? Королев!

После уроков Сергей с Валей Божко спускались вниз по Торговой. Королев смотрел на товарища, шагающего рядом.

— Ты что такой худой? — спросил Сергей.

— Я ж перенес три тифа,— напомнил Валя.

— А ну, стукни меня по спине! — попросил вдруг Королев.

— Ты что?

— Не сутулый я? Мне все кажется, что я сутулый...

— Да не сутулый, не сутулый! — успокаивал Валя.— Шея у тебя от природы короткая — вот что я тебе скажу. Держи нос кверху — глядишь, вытянется. А вообще, чтоб несутулым быть, гимнастикой надо заниматься.

— Я записался...

Шли по набережной. Ветер доносил с моря шум прибоя.

— Зачем Темцуник-то к тебе наведался? — вспомнил Валя.

— А! — махнул рукой Сергей.— Чехвостили меня крепко на пару с Баланиным: «Полеты... Самолеты... А учебу, дескать, забросил...»

— А ты не подумал, что они могут быть и правы? — спросил вдруг Валя.

— Как?! И ты туда же?! — остановился ошеломленный Сергей.— Вы все думаете, что полеты для меня так! — Он покрутил пальцами в воздухе.— Акробатика! Цирк! А это дело серьезное.

Незаметно за разговором подошли к таможне и оказались в порту.

— Зайдем к нам,— предложил Сергей.

— Валерьян! Сергей! Куда же вы пропали?! — встретила их Мария Николаевна.— Обед давно готов и стынет.— Она ушла хлопотать на кухню, и оттуда посыпались ее расспросы:

— Что нового в школе? Что говорил сегодня Темцуник?

Матери Сергея не было и сорока, живая и общительная, она зачастую становилась участницей их бесед.

Наскоро проглотив обед, пошли в комнату к Сергею решать задачи. Для Валерьяна задания на дом существовали лишь как ориентир. Он брал раздел и решал все задачи подряд. Сказывалась его хорошая подготовка в реальном училище. Сергей был самолюбив и не хотел отставать от друга.

— Постой, постой! — остановил его Валя.— Почему у меня одиннадцать задач, а у тебя пятнадцать?

— А у меня варианты,— пояснил Сергей.— Несколько задач я решил в двух вариантах.

— Ну, брат, ты меня перещеголял,— развел руками Валерьян.— Бегу! А то мамаша беспокоиться будет. До завтра!

Русский язык у них преподавал Леонид Иванович Беюл, сын которого учился в одном классе с Сергеем Королевым и неизменно получал у своего отца плохие отметки: преподаватель на виду у всех воспитывал сына в строгости.

Учителем немецкого языка был немец Готлиб Карлович Аве, самый молодой из преподавателей. Он не имел диплома, но язык знал хорошо. Его не все любили, мастаки подражать говорили его отрывистым

высоким голосом, а школьные стихоплеты даже сочинили стихи:

Тишина немая в классах А и Б,
И не слышно лая Готлиба Аве.

Естествознание вел Владимир Иванович Седенко. Этот сорокалетний преподаватель считался универсалом. Кого он только не заменял: и химика, и историка, и преподавателя геодезии! Одного только грека Стилиануди не мог заменить.

Ученик Репина Александр Николаевич Стилиануди был художником-маринистом. Все стены его квартиры были завешаны видами Одессы и морскими этюдами. Он преподавал графическое искусство и часто водил учеников в свою мастерскую. Неоднократно бывал у Стилиануди и Сергей Королев, учился у него искусству графики.

Завуч Александр Георгиевич Александров всеми силами старался дать своим ученикам основы культуры, приобщить их к искусству. Сам он играл на скрипке и вместе с математиком Темцуником создал в школе хор. Владимир Петрович Твердый дирижировал оркестром. Учитель русского языка Павел Сергеевич Златоустов руководил литературным кружком, который начал ставить в школе пьесы Островского.

Александров ввел в программу историю культуры, ее читал большой знаток искусства С. И. Сокольницкий.

Образование плюс высокое эстетическое воспитание — такую задачу поставил перед собой педагогический коллектив.

Но вот однажды в школу явился инспектор и развел руками: «А где же ваша суть? Что умеют ваши так называемые строители делать? Брусок они обтесать могут? Рубанок они в руках держали?»

Александрову крыть было нечем. Мастерских в школе не было.

В стройпрофшколу пришли в основном дети из обеспеченных семей, они поступили сюда лишь затем, чтобы получить образование. Большинство из них и не помышляли быть строителями. Одни готовились стать музыкантами, другие артистами, третьи врачами... Но были и такие, как «кухаркин сын Валя Божко», которые полюбили строительное дело, а стройшкола на первых порах не давала им полноценного специального образования. И они взбунтовались.

«Октябрь в профшколе» — так назвали свое движение ученики, выступившие под лозунгом: «Ликвидировать разрыв школы с жизнью! Учиться коммунизму на деле, на практике! Строить и жить!»

Не все поддержали это движение. Часть профшкольцев, которая вовсе не хотела «держать рубанок в руках», отнеслась к нему скептически. Сергей Королев не сразу понял смысл происходящего, и не раз он говорил об этом с другом.

— Какой смысл бойкотировать лекции Бортневского, если он все равно продолжает их читать, только еще хуже?

— А многому ты научился на этих лекциях? — вопросом на вопрос отвечал Валерьян.— Александров больше заботится об эрудиции, нежели о профессиональном обучении.

— Но эрудиция всегда пригодится,— пытался поддержать Александрова Сергей.

— А ты считаешь, хорошо, что мы молоток в руках держать не умеем?! — горячился Валя.

Сергей чувствовал, что в чем-то его друг прав.

...Александр Георгиевич Александров бродил по Одессе в поисках столярной мастерской. Наконец где-то на Молдаванке он встретил старую покосившуюся

вывеску «Мастерская по изготовлению деревянных шкивов. Вавизель».

Александров постучал. Дверь открыл седоусый старец лет под семьдесят с добрыми выцветшими глазами. Одет он был в длинную серую толстосуконную рубаху, подпоясанную шелковым шнуром. На голове — черный картуз, на ногах — сапоги. Он несказанно удивился приходу заказчика, потому как долгое время к нему никто не заходил. И еще больше старик пришел в изумление, когда услышал просьбу продать мастерскую. Он обрадовался, засуетился, показывая станки, инструмент.

В учительскую Александров вбежал, как резвый гимназист.

— Купил мастерскую вместе с дедом!

Вавизеля перевозили всей школой. Сергей вместе с товарищами разбирал в старой мастерской станки, грузил инструмент и несложные пожитки, а потом устанавливал те же станки в школьном подвале. Старый столяр поселился в стройшколе.

Мастерские открывали торжественно. Александров поздравил стройшкольцев с добрым началом, говорил о воспитании молодого поколения в труде. Владимир Петрович Твердый произнес пламенную речь о новом времени, рождении нового человека. Вышла на сцену Лидочка Гомбковская. На вечере она прочитала стихи, написанные к случаю:

Друзья! Живей к станку!
Мотор гудит призывно,
И блеском радостным колеса
манят нас...
Пусть светлые мечты летят
под гул мотора,
Перенесут наш дух свободный
в ту страну,
Которую создаст наш труд
упорный скоро,

Чтоб этот мир сковать, друзья,
живей к станку!

В подвале с белыми изразцовыми печами в одной комнате поставили станки и на двери повесили табличку «Машинное отделение», в другой — на стенах прикрепили первые образцы, сделанные руками учеников, а на двери — «Модельная». В машинном призывал лозунг: «Учись, трудись, борись», в модельной — девиз: «Математика — гвоздь всего». Верстаки стояли, как парты. Приходи — строгай.

Старый Вавизель... Его руки могли сделать и оконный переплет, и деревянное колесо к телеге, и черенок к топору, и грабли с острыми, как пики, зубьями, и тонкую, ажурную прялку. В его мастерской Сергей Королев впервые взял в руки рубанок. Старый столяр научил Королева чувствовать дерево, уметь обработать его.

Сергей часами пропадал в мастерской, и через неделю-другую он уже сам мог сделать и табурет, и стул, и даже деревянное колесо к телеге.

— Посмотрите, Константин Гаврилович, так я сфуговал? — подходил к Вавизелю Королев.

— Так, так, мальчик. Берись за другую работу.

Но Королев не спешил. За соседним верстаком работал Валя Божко. Сергей боялся, получится ли у него фуговка. Божко, казалось, всем телом напрягся, чтобы обработать неподатливую заготовку. Сергей стоял в растерянности — помочь? Нет, не надо! Валя прокорпел над своей заготовкой больше часа и, наконец, робко понес ее Вавизелю.

— Проверьте, Константин Гаврилыч...

— Нет, вы только посмотрите! — всплеснул руками Вавизель.— Вы только посмотрите, мальчики, какая это работа! — поднял он высоко над головой Валину заготовку.

...Приближались весенние зачеты. Готовились вдвоем, иногда втроем. «Гоняли» друг друга по всему курсу. Мария Николаевна, принося в комнату чай, заставала в роли экзаменатора то одного, то другого. Валерьян, «принимая экзамен», сидел за письменным столом, откинув по-петушиному голову назад, отчего длинные прямые волосы его почти касались спинки кресла. Веки полуприкрыты. В руках постукивает карандаш...

— Какие представления вы имеете о скорости света? — подражая физику Михаилу Ивановичу Хасапову, задает вопрос Божко.

— Представлений — никаких,— подтрунивает над «экзаменатором» Королев.— Я этой скорости никогда на себе не испытывал. Но знаю, это пока что самая большая скорость, какую мы имеем в природе,— триста тысяч километров в секунду. Вот если бы эту скорость развил наш гидросамолет...

— То от него ничего б не осталось.

— Да,— покорно соглашается Королев.— Ничего б не осталось. Но... при соответствующих условиях он мог бы попасть в стратосферу.

— Опять ты за свое...— упрекает Валерьян.— Ты что ж Хасапову про стратосферу свою будешь отвечать? Я тебя про скорость света спрашиваю!

— Ты же сам говорил: «Надо ликвидировать разрыв с жизнью». Вот я и ликвидирую! — лукаво улыбается одними глазами Сергей.— Я тебе уже не раз говорил: «Не важно сдать — важно знать!»

Мария Николаевна вошла на цыпочках и шепотом обратилась к обоим:

— Сергей! Валерьян! Там пришли студенты к Григорию Михайловичу, а он запаздывает с работы. Вам пора уже передохнуть, вы б их заняли...

— Зови, мама, их сюда!

Безмолвно вошли четыре студента.

— Тяжелов! И ты тут?! — удивился Божко, увидев знакомого.

— Да... Пересдаем вот... зачеты... Засыпались.

Отчим Сергея, Григорий Михайлович Баланин, заведуя портовой электростанцией, вел параллельно и педагогическую деятельность — читал лекции в ОВЭСТе — Одесском высшем электротехникуме сильных токов.

— И как же угораздило тебя засыпаться, а?! —измывался над знакомым Божко.

— А ты бы послушал Баланина. Читает: цифирь одна, сухота...

— Сухо читает? — встрепенулся Сергей.— И Божко обмер, увидев Королева таким, каким он никогда его еще не видел: полным ярости и гнева.— Сухо читает?! Он знающий инженер! Всесторонне развитый человек! Энциклопедист, если хотите! Сухо читает. Ни черта вы не понимаете, вот вам и кажется, что сухо читает. Он дает самую суть — я знаю. Он не любит много говорить, а дает дело. Антураж тут ни при чем. Вам нужны знания или разговоры по поводу? — в упор спросил он Тяжелова.— Если вы хотите послушать разговоры, идите слушать Кулаковского: сто слов в секунду, ни одна стенографистка записать не успевает! Вот куда вам надо, а не в ОВЭСТ!

Кончив этот монолог, Сергей смутился и вышел.

Красный, как девушка, стоял он в столовой и смотрел сквозь балконную дверь на море. Валерьян вышел к нему и не знал, как подступиться.

— Вот это монолог! — стараясь свести на шутку, начал он.— А я думал, ты речи произносить не можешь... Один я у тебя ходил в «ораторелях».— Божко по своей комсомольской обязанности часто выступал с докладами на праздниках или по какому-то случаю.

— Да при чем тут речи,— приходя в себя, ответил Сергей.— Просто незаслуженно обидели Баланина. Ему ли не знать, что студентам надо. Ведь он сам дважды был студентом — кончал два института. И знания дались ему нелегко. В лаптях пришел за ними из глухой вологодской деревни...

Валерьян слушал, и его всегда полуприкрытые веками глаза вдруг широко раскрылись.

— Ты знаешь, Валь, я никогда никому этого не говорил, а тебе скажу: мне очень обидно порой, что у всех отец, а у меня отчим, как будто что-то в этом неполноценное... Что я, хуже других, что ли?! Но так уж повелось в народе: раз неродной — значит плохой. А почему плохой? Не знаю, что бы дал мне родной отец — может, и много. Но Григорию Михайловичу я обязан на всю жизнь вот чем: он научил меня работать, научил ценить время, знать цену каждой моей минуте в жизни. Ведь нам отпущено на земле их так немного, правда?

Сергей порылся в карманах и достал крошечный блокнотик из конторской бумаги.

— Вот посмотри,— протянул он Вале.— Это мой день.

Валерьян быстро пробежал глазами блокнотик: «Шесть часов — подъем, шесть пятнадцать — гимнастика, шесть тридцать — завтрак, семь ноль-ноль — купание в море, восемь — тринадцать — стройшкола, тринадцать — пятнадцать — спортклуб, гимнастика, пятнадцать — обед. Шестнадцать — семнадцать — свободное время. Семнадцать — восемнадцать — музыка».

— Свела меня мама недавно к одному скрипачу на Торговую,— ответил на удивленный взгляд Вали Сергей.

— Восемнадцать — двадцать один — «публичка». Двадцать два — сон.

— Слушай, тут один важный пункт пропущен! — серьезно начал Валя, а Сергей насторожился: — Когда за девочками ухаживать?

Оба расхохотались.

Ночью, утомившись от многочасовых занятий, вдвоем заснули на широком красном диване.

На другой день на консультации Темцуник, пожевав губами, сказал:

— Слабоваты у вас еще пространственные представления. Потренируйтесь.

— Потренируемся? — вопросительно посмотрел Сергей на Валю.

— Сережка, я занят сегодня, совещание...

— «Мой комсомол меня зовет!» — пошутил Сергей.— Ну, ладно, мы потренируемся с Володей,— показал он на старосту Егорова.— А ты подходи потом, мы тебя проконсультируем.

На цыпочках прошли через рабочий кабинет Григория Михайловича, поднялись на второй этаж и устроились в комнатке Сергея. Занимались стереометрией, учились мыслить в пространстве. Егоров брал с полки книгу, приставлял к ней другую, третью. Требовал у Сергея нитку или бечевку, привязывал к ней первый подвернувшийся под руку груз и дотошно допрашивал Сергея, где какая плоскость. Он был несколько сильней Королева в стереометрии, в этом немало помогла работа в шлюпочной мастерской. Отец его был корабельный инженер и отдал сына «клепать шлюпки», там его и научили «мыслить в пространстве».

— Опустите, пожалуйста, перпендикуляр вот к этой плоскости,— требовал от Королева Егоров.

— Ты как Хлебникова,— отмахнулся Сергей.

Надя Хлебникова — любимица Темцуника, прирожденная учительница. В перемены она заменяла учителя и менторским тоном давала наставления.

Во время занятий Сергей не раз хватался за голову: после аварии на гидросамолете у него все еще болела голова. Егоров заметил, что ему тяжело заниматься, и быстро закруглился.

— Ну, вечером на Соборку? — спросил он на прощанье.

— Топтать по-пустому мостовую? Нет! — круто ответил Королев и, чтоб окончательно отказаться, добавил: — Сегодня у Винцентини собираются...

— А...— безнадежно махнул рукой Егоров. Он знал, что Королев все свободное время пропадал в доме у Винцентини. И из-за этого даже на Соборку не ходил, где собирались все одесские школяры. Сергей любил этот дом, в нем было интереснее и уютнее, чем у других: отец «Макс» пел и играл, мать Софья Федоровна угощала вкусными пирогами, Юра был товарищ Сергея, а самым большим магнитом была Ляля...

Весной заболел скарлатиной Юрий Винцентини. Ляля переселилась к друзьям родителей и стала соседкой «Жоры с Нарышкинского спуска» — так звали Калашникова. Навестив больного Юрия, перебросившись через окно двумя-тремя шутками, «святая троица» — Калашников, Королев, Назарковский — неизменно держала курс к Ляле. Они были «соперниками», но ходили к Ляле вместе. В комнату по очереди, подсаживая друг друга, влезали через окно. Часа два шло состязание в острословии, а за ним тянулись томительные минуты. И каждый из троих понимал, что идет борьба за то, кто кого пересидит. И Ляля тоже понимала.

Первым поднимался Жорж Назарковский. Его театральный темперамент не принимал затянутых действий, и он «уходил со сцены», не дождавшись конца «спектакля». А оставшиеся двое — Сергей Королев и Жорж Калашников «выкладывались» до конца. Калашникову было легче: запаса его анекдотов, как

говорил Королев, хватило бы не на одну тысячу и одну ночь.

Наконец, Сергей не выдерживал:

— Знаешь что, уйдем вместе.

Шли вниз по Нарышкинскому. Жорж, так и не утомившись от многочасовой болтовни, рассказывал о каждом доме, встречавшемся на пути.

— Хочешь, я покажу тебе дом, где жил первый Дерибас? Хочешь, поведу в катакомбы? Я знаю подземный ход прямо с моря!

Жорж Калашников, бесшабашный, с виду легко относящийся к жизни, всерьез интересовался всем, что его окружало, как заправский гид знал историю старой Одессы и к тому же был такой книгочей, что Сергей зачастую обращался к нему, как к справочнику.

— Говорят, о катакомбах Одессы недавно книжка вышла? — спросил он.

— Пойдем, я тебе покажу,— с готовностью отозвался Жорж.

Калашниковы жили неподалеку. Отец Жоржа был неслышим и невидим в доме, как привидение, про которое все знают, что оно существует, но где?..

Это был не дом, а склад книг. Отец Калашникова, старый одесский букинист, жил книгами во всех смыслах этого слова. Из отцовской комнаты Жорж принес довольно объемистую стопку книг.

— Вот это тебе интересно!

Сергей удивился: не слишком ли самоуверенно Жорж говорит о его интересах? Но тотчас же забыл про это. Книги были редкие.

С трепетом перебирая их, Жорж выложил перед Королевым старую, пахнущую прелыми листьями, большого формата книгу в темно-коричневом переплете.

— Это писал Дерибас... О старой Одессе. Хочешь, я прочитаю тебе, что случилось на твоем Платоновском молу без году сто лет назад, в тысяча восемьсот двадцать четвертом году? Хочешь, да? Слушай!

«На «пункте», в конце Платоновского мола, куда съезжались одесские негоцианты, моряки и простые обыватели, желавшие после знойного дня подышать свежим воздухом открытого моря, корабль был уже готов к отплытию. Но паруса его еще были связаны, и засмоленный канат еще удерживал его порывы. Капитан нетерпеливо поглядывал в сторону Польского спуска: ветер начинал свежеть — жаль было упустить благоприятный момент для поднятия парусов. Но вот карета за каретою. Вот дрожки с молодежью. А вот и Яблоновский. Он распоряжается отъездом красавицы-негоциантки госпожи Амалии Ризнич, успевшей за свое краткое (всего лишь год) пребывание в Одессе вскружить головы столь многим сумасбродам. Яблоновский взбирается на корабль, вносит в предназначенную для Ризнич каюту цветы, распоряжается убранством помещения, бранит капитана, бранит прислугу. А вот вслед за ними и пан Собаньский. Он тоже с цветами, он тоже суетится. Но он терпеть не может своего соперника Яблоновского... точно так же, как мы с тобой друг друга...

— Что? Что? Покажи! — хватает книгу Королев.

— Я пошутил, пошутил...— отмахивается Жорж Калашников и продолжает читать:

...Точно так же, как тот ненавидит Собаньского. А это кто же на набережной в ожидании отъезжающей? Это еще один ее поклонник — наш милый поэт Туманский.

Корабль качается, волны заигрывают с ним. Капитан ругается. Но вот и она! А за нею целая вереница еще многих экипажей и дрожек.

В привезшем ее экипаже, рядом с ней, не муж ее Иван Ризнич. Он выехал из Одессы сухопутью двумя месяцами раньше, нарочно, чтобы не сопровождать ее. Рядом с красавицей бледный и печальный Александр Сергеевич Пушкин. Из всех поклонников он один удостоился последнего с ней свидания.

Ризнич не говорила по-русски. Она была полунемка, полуитальянка. И для нее были особенно очаровательны признания, которые она понимала больше по тону, нежели по языку.

Пушкин писал ей в альбом в 1824 году, как раз перед самым отъездом из Одессы:

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу...»

Жорж закрыл книгу и долго вопрошающим взглядом смотрел на Сергея.

— Ну, беги к своей Амалии! — наконец беспечно-весело сказал он.

Но Сергей даже не ответил. Он все еще пребывал на Платоновском молу, унесясь в одной карете с Пушкиным и Ризнич на сто лет назад.

...Возвращаясь поздно вечером домой, Сергей, ступив на Платоновский мол, замер перед чем-то непостижимо вечным. Здесь сто лет назад стоял живой Александр Сергеевич Пушкин!

Начнем с малого

Ох, уж эта Лидочка Гомбковская с ее пирогами!.. Сергей Королев стоял у двери класса и нервничал. Через час его ждет Шляпников, а зачет по оптике идет

нестерпимо долго. В классе преподаватели Александров, Седенко, Хасапов, Темцуник пьют чай с учениками, едят пирожки с вишнями и не спеша ведут разговор на оптические темы.

Все ищут что-то новое, нестандартное. Молодая Советская власть было то главное новое, что рождало за собой новое во всем. Искали и преподаватели Одесской строительной школы № 1, в которой учился Сергей Королев. Открыли учебные столярные мастерские, обучали и воспитывали молодое поколение в труде. И вот теперь еще одно новшество: экзамен с пирогами! Александр Георгиевич Александров только заикнулся: «Надо бы экзамен нам провести не в казенной обстановке, а... положим, за чашкой чая».

И девчонки обрадовались. Лидочка Гомбковская испекла пирожки с вишнями.

Сергей Королев нетерпеливо заглядывает в чуть приоткрытую дверь. Толстый Шульцман с аппетитом уплетает пирожок. Сергей надувает щеки, изображая его. Тот, поперхнувшись, откладывает в сторону пирожок.

— Следующий!

Королева пропустили без очереди. «Он так занят, он так занят»,— щебетала девичья староста Люся Меликова.

Вместо билета Сергею подают стакан, и Лидочка Гомбковская наливает чай. Александров, помешивая в стакане ложечкой, начинает неторопливый разговор:

— Почему ложечка в чае кажется нам сломанной?

Сергей, чтоб скорей отделаться, залпом выпивает чай и быстро, скороговоркой, отвечает на вопрос. Но Лидочка тотчас снова наполняет его стакан до краев. Александров продолжает:

— Если вот этот ковер осветить красным светом, как изменится окраска?

— Согласно теории спектра...— и Королев до предела сжато формулирует свой ответ. До чая он не дотрагивается. Но Александров неумолим.

— Бывали ли вы ночью на море?

«При чем тут оптика?! — чуть не крикнул Сергей.— Ему так же, как всем, семнадцатый год, и у него есть первая любовь — об этом весь класс знает. Но при чем тут оптика?!»

— Ну, бывал...

— Приходилось вам видеть лунную дорожку на море?

— Ну, видел...

— Когда вы идете вдоль берега, лунная дорожка движется вместе с вами,— Александров изобразил рукой.— Не так ли?

— Как будто,— уже нетвердо говорит Сергей.

— Почему?

В самом деле: почему? Сергей молчит в задумчивости. Лидочка Гомбковская незаметно берет две чайные ложки и ставит их рядом одну к другой, тихо, но нетерпеливо постукивает ими по столу, не отрывая глаз от Сергея.

Королев молчит.

— Закон параллельного потока,— не выдерживает наконец и громко шепчет Лидочка.

— Ну, я вижу, Гомбковская рвется ответить,— благосклонно улыбается Александров.— Предоставим ей слово.

Гомбковская отвечает, обращаясь все время к Сергею, будто он принимает у нее экзамен.

— Идите, Королев,— машет рукой Александров.— Усвоили, почему лунная дорожка следует за вами?

Бегом мчится Сергей по Старопортофранковской к Херсонскому спуску. Скорей, скорей в гидроотряд...

Всю зиму он не бывал в отряде. С того дня, как

Темцуник неожиданно появился дома и они вдвоем с Григорием Михайловичем устроили ему нагоняй, Сергей закрестил для себя Хлебную гавань, пока... Пока не случилось с ним нечто...

Как-то повелось так, что любимым местом занятий Сергея и Валерьяна стала публичная библиотека — «публичка», как они ее между собой называли. Тишина, шелест страниц, зеленые лампы абажуров и книги, какую только захочешь,— все здесь располагало к работе. Приходили обычно под вечер и занимались до закрытия.

Валерьян заметил, что Сергей, изучая какой-либо вопрос, прочитывал всю литературу, какая имелась в библиотеке.

— Остановись, ты не успеешь проработать все вопросы,— урезонивал его иногда Валя,— ты просмотрел по одному лишь вопросу двадцать две работы! Так академики работают...

— В академики я не собираюсь,— отмахивался Сергей.— А если что мне интересно — я должен знать все, что сказали по этому поводу другие, а уж потом высказываться.

Изучая революционное прошлое России, Сергей достал кипу литературы, принадлежавшей ранее графу.

— «Граф Александр...» — никак не мог разобрать фамилии на книге Валерьян.

— Бывший граф,— поправил его Сергей.— Ты посмотри, что хранилось в графском дворце! — Сергей протянул Вале тоненькую книжечку в ветхом розовом переплете. Валерьян прочитал: «Николай Кибальчич. Лондон. Заграничная типография «Народная Воля». 1882 год».

— Был такой народоволец, помню,— напрягая память, проговорил Божко.— Для Александра Второго

бомбу, кажется, изготовил... За нее и на виселицу пошел...

— Бомбу...— усмехнулся Сергей,— он такую «бомбу» изготовил... На, посмотри, я сейчас...

Тихо пройдя по залу, Сергей остановился у окна заказов.

— Скажите, пожалуйста, у вас нет ли чего-нибудь о Кибальчиче кроме лондонского издания?

Молодая библиотекарша прошла к каталогам, быстро-быстро перелистала карточки.

— Нет, к сожалению, нет. А что вас интересует, «Народная Воля»?

— Нет, «Народная Воля» меня не интересует. То есть интересует... Но я хотел бы... Его проект! — сбивчиво, взволнованно говорил Сергей.

— Не знаю...— растерянно развела руками библиотекарша.— Я вот что вам посоветую: у нас в каталоге дежурит старая сотрудница, она все знает. Мария Петровна ее зовут.

Отыскав в маленькой комнатке, забитой сплошь ящиками с карточками, Марию Петровну, Сергей без всякой надежды спросил:

— Не подскажете ли вы мне, где можно почитать что-нибудь о проекте Кибальчича?

— Николая Ивановича Кибальчича? — уточнила старая женщина.

— Да, да! — обрадованно закивал головой Сергей.

— Журнал «Былое», апрельский номер за восемнадцатый год.

— Простите,— решил уточнить Королев,— мне о Кибальчиче не как о народовольце, а что-нибудь о его проекте...

— Там сам проект!

Пока тянулись томительные минуты ожидания заказа, Сергей следил, как Валя Божко читал лондон-

ское издание «Народной Воли» о Кибальчиче. И после каждой страницы спрашивал шепотом: «Ну как?»

Получив журнал «Былое», он не пошел за стол в зал, а поднялся на круглую балюстраду вместе с Валей и приказал другу: «Слушай!»

«Проект воздухоплавательного аппарата Н. И. Кибальчича.

Находясь в заключении, за несколько дней до своей смерти, я пишу этот проект,— взволнованно читал Королев.— Я верю в осуществимость моей идеи, и эта вера поддерживает меня в моем ужасном положении.

Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью. Поэтому я умоляю тех ученых, которые будут рассматривать мой проект, отнестись к нему как можно серьезнее и добросовестнее и дать мне на него ответ как можно скорее...»

— «Я буду счастлив тем, что окажу громадную услугу родине и человечеству...» — с торжественной печалью повторил Королев.— Представляешь... О чем думал человек, готовясь к смерти...

— А в чем суть проекта-то? — торопил Валя.

— Сейчас, сейчас,— и быстро пробежал глазами строчки.— «Какая же сила применима к воздухоплаванию?.. Сила пара не пригодна... Паровая машина громоздка... Для большого электродвигателя нужна опять-таки паровая машина...» Вот слушай,— нашел Сергей: — «Такой силой, по моему мнению, являются медленно горящие взрывчатые вещества»!

Сергей остановился на минуту, будто что-то вспоминая.

— Летчики в гидроотряде говорили, что нужно новое горючее для самолетов. Может быть, это, а?..

— Да как на взрывчатке летать-то,— скептически остановил Сергея Валя.— Взорвешься да и только...

Сергей перевернул страницу.

— Вот тут и чертежик есть! — обрадовался он.

— Да это же амфора какая-то...— с недоверием разглядывал чертеж Валя.

— «Если в такой цилиндр (то, что ты считаешь «амфора») вставить подобное же приспособление с пороховыми свечками и зажечь свечку, то газы, ударяясь в дно цилиндра, заставят лететь прибор по тому направлению, куда обращено дно...» А ты говоришь, «амфора»!

Слушай еще:

«Каким образом можно применить энергию газов, образующихся при воспламенении взрывчатых веществ, в какой-либо продолжительной работе? Это возможно только под тем условием, если та громадная энергия, которая образуется при горении взрывчатых веществ, будет образовываться не сразу, а в течение более или менее продолжительного промежутка времени...»

— Понял? Не сразу!..— повторил Королев.

— Ладно, пойдем заниматься,— потянул Сергея Валя, ему уже надоело разбирать этот проект...

Вошли в зал. Зеленый свет заливает ряды, делает лица неестественно бледными, они кажутся Сергею почему-то печальными. Сели. Валерьян взялся за литературу по строительному делу. Сергей продолжал читать Кибальчича. Через минуту он уже шептал Вале:

— Он предлагает автоматические механизмы для зажигания пороховой свечки!

А еще через минуту:

— В середине пороховой свечи должно быть просверлено отверстие!

И снова шепотом:

— Существует много медленно горящих взрывчатых веществ, не один только прессованный порох. Слышишь, много!

— Да, слышу, слышу, тише ты, сейчас выгонят! — отмахнулся Валя.

Дежурная по залу, проходя между рядами, погрозила пальцем.

Тогда Сергей принялся выписывать целые куски из Кибальчича к себе в тетрадь, время от времени показывая их другу. Валерьян крутил головой. Сергей отчеркнул красным карандашом:

— Вот прочти последнее!

«Давлением газов прибор может подняться очень высоко, если величина давления газов на верхнее дно будет все время поднятия превышать тяжесть прибора».

— Запомнил? Мы еще с тобой поговорим об этом...

— Хватит на сегодня, Сережк, а? — взмолился Валя.— Ведь завтра зачет, а ты мне каким-то древним проектом голову морочишь!

Быстро сдали книги и вышли. Валерьян был раздосадован: последний день подготовки к зачету, по существу, пропал даром.

— И где ты только откопал этого Кибальчича?! — в сердцах проговорил он.

— А у старушки Марь Петровны в каталоге! — весело ответил Сергей. И, думая о своем, продолжал: — Видел ты, что там в самом конце написано? «Первоначальные опыты могут быть удобно произведены с небольшими цилиндриками даже в комнате»!

— Уж не собираешься ли ты эти «цилиндрики» взрывать у себя в комнате?

— А почему бы нет? — простодушно спросил Сергей.

— Да ты спятил, что ль? — всерьез возмутился Валя.— Хочешь, чтоб твой Баланин вместе со своей электростанцией на воздух взлетел?!

Долго шли молча. В вечерней тишине слышался цокот копыт по каменной мостовой. Извозчики в пролетках развозили усталых пассажиров.

— Ну, а что сказали инженеры-специалисты по поводу этого проекта? — примирительно спросил Валерьян.

— Они его и не видели! — с гневом ответил Королев.

— Как? В лондонском издании писали же...

— Что писали?! Проект был вложен в конверт, запечатан и подшит к делу Кибальчича.— Сергей тяжко вздохнул.— А он просил... до самого последнего дня просил... дать ему поговорить с кем-нибудь из членов технического комитета... Просил дать хотя бы письменное заключение комиссии. Побоялись даже показать его проект специалистам — «вызовет ненужные толки...» К нему прислали защитника — он говорил с ним только о проекте. Единственная просьба: разрешить работать в камере. И даже в своем последнем слове — о проекте...

Лицо Сергея стало гневно-печальным, и он, тронув Валерьяна за рукав, тихо продолжал:

— Ты помнишь, в лондонском издании есть очень злые строчки,— он полистал тетрадь и зачитал:

«Будет, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставит его сражаться даже с мертвым врагом и похоронит вместе с ним, может быть, в высшей степени важное изобретение. Но всего вероятнее, конечно, что оно будет просто украдено — благо протеста с того света никто не услышит».

— Неужели так и не признают за ним его приоритет? — задумчиво спросил Валя.

— Уже признали,— ответил Сергей.— После революции проект нашли в секретных архивах жандармского управления. И обнародовали. Вот послушай, что пишет Рынин.— Сергей опять полистал тетрадь и на ходу прочитал: «Кибальчичу бесспорно принадлежит приоритет в идее применения реактивных двигателей к воздухоплаванию».

— А кто такой Рынин? — пожал плечами Валя.

— Профессор, специалист по воздухоплаванию. Он комментирует там, в конце, проект. И считает, что аппарат Кибальчича можно использовать даже для межпланетного путешествия!

— Межпланетные путешествия... А при чем тут этот проект? — с удивлением посмотрел на Сергея Валя.— Он ведь предлагает воздухоплавательный аппарат, а не межпланетный корабль, насколько я понял?

— Ну, видимо, считают, что на таком аппарате можно подняться очень высоко,— спокойно сказал Сергей. Сказал и испугался своих слов.— Валь! А что, если правда можно улететь...

— Скажем, на кольцо Сатурна!

— Да ну тебя, тебе все смешки! — рассердился Сергей.

— Пойдем спать, завтра зачет,— зевнул Валерьян.— А то бродим с тобой, как два лунатика. Вон уж извозчики кончают...

Спустившись по Потемкинской лестнице, друзья вышли к таможне и оказались в порту. Тихо прошли по саду, поднялись на второй этаж и устроились вдвоем на диване.

Уткнувшись в бархатную спинку дивана, Валерьян чувствовал, как Сергей долго ворочался, а среди ночи встал и зачем-то пошел в кабинет отчима. Вернулся с книгой.

— Что, к зачету готовишься, что-ль? — насмешливо сквозь сон спросил Валя.

— Конечно, у Жюль Верна никакого описания корабля реактивного типа нет,— будто найдя подтверждение своим мыслям, проговорил Сергей.— У него совсем другое...

— Слушай, угомонись! Посмотри на часы,— в углу часы с длинным маятником отбивали пятый час.— Ты сам стал какой-то реактивный! Ты мне не нравишься сегодня, Сережк, ей-богу! Загляни в свою книжечку — у тебя на это время записан сон!

— Так и всю свою жизнь проспать можно,— отшутился Сергей.

...После занятий всем классом обычно шли на Новый базар, где в тот год открылся спортивный клуб «Сокол». Сергей занимался гимнастикой. Умаявшись на перекладине, он тихо шел пешком домой.

Кочуя с улицы на улицу, Сергей открыл для себя, что одесситы живут словно племенами. По Греческой жили только греки, по Градоначальнической, Раскидайловской, да и по всей Молдаванке — русские, по Запорожской и Госпитальной — евреи. На Дерибасовской и Ришельевской селился одессит побогаче, на Пересыпи — только рабочий люд.

Говоря об одесситах, нельзя не упомянуть одесских улиц, где проходит половина жизни горожан. На них все друг друга знают, все друг друга любят, если даже видят в глаза впервые. И бранятся здесь, и мирятся, и доверяют самые сокровенные секреты.

Сергей, заслышав спор двух одесситов, всегда почему-то думал, что идет состязание двух острословов. Ругань шла на публику, а публики хоть отбавляй. Любая новость подхватывалась и разносилась быстрее, чем работал одесский телеграф. На пути она обрастала тысячью деталей.

— Вы слышали, что сегодня было в доме угол Ольгиевской и Екатерининской?! Неужели не слышали?!.

Сергей остановился на углу Ольгиевской и Екатерининской. Его внимание привлекло объявление на двери: «Здесь живет друг воздушного флота». И Сергей неожиданно для себя постучал. Он еще не успел удивиться своему поступку, как дверь распахнулась — и на пороге предстал перед Королевым Василий Долганов.

— Маша, посмотри, кто пришел! Нет, ты посмотри, кто пришел!

По тому, как Маша хозяйничала в доме, Сергей понял, что Василий успел жениться. А увидев вопросительный взгляд Сергея, Маша расхохоталась:

— Взял он моего отца на испуг. Да, да,— смеясь, продолжала Маша.— Не приходил как-то долго-долго. Улетал он в Севастополь. Папа мой сидел у окна, читал газету, вдруг трах-та-ра-рах... Что-то падает ему на колени, выбивает из рук газету. И что, вы думаете, решил мой папа? — подражая одесситам, спросила Маша.— Мой папа решил: опять пришла новая власть! И он не ошибся: новая власть — это Вася!

За чашкой кофе Сергей выспрашивал все новости об отряде. Прибыли новые летчики, прислали еще самолеты, один трофейный — австрийский «Австродаймлер».

— Неплохая машина, неплохая,— похваливал Долганов.— В воздухе напоминает германскую «Таубе». Помнишь, я тебе показывал фотографию?

— Вась, ты слыхал что-нибудь о проекте Кибальчича? — спросил вдруг Сергей.

— Кибальчича? Кибальчича... Нет, такую машину я не знаю,— растерянно проговорил Долганов и покраснел, будто уличенный в чем-то.

— Не машину, только проект, и то неосуществленный,— поправил Сергей.— Идея: применить принцип ракеты к движению летательного аппарата.

— Ах, вот ты о чем! Это спроси у Савчука: он всякими идеями занимается, а я насчет моторов или сугубо все по материальной части. А идеи — это к Савчуку.

— А что это у тебя на двери за вывеска «Друг воздушного флота»? — решился спросить Сергей.

Долганов улыбнулся своей детской улыбкой:

— Налепили, понимаешь, ничем не сдеру. Началась пропаганда авиации, ты слышал? Что теперь делается в отряде! Кого только на самолетах не вывозят. Горком, окружком, заводы... Вот Машу мою только не сагитирую сесть в самолет.

— А что Шляпников? — поинтересовался Сергей.

— Алексан Васильич-то? Он же искал тебя! Ты приходи завтра.

Сергей пошел. Не пошел — побежал, прямо с зачета.

В отряд ходили, как к себе домой. Часовые наблюдали лишь за общим порядком. Старая «девятка» Боровикова, добрая старая «девятка», на которой Сергей Королев однажды летал за механика, стояла под открытым небом, облепленная народом. Среди черных картузов и парчовых тюбетеек Сергей увидел ныряющий белый блин знакомой морской фуражки и по крену блина узнал Боровикова. А тот, завидев еще на подходе к отряду Сергея, вырвался от ненасытных «экскурсантов» и взмолился.

— Сергей! Поговори с ними, ради бога, минут пять,— и, обернувшись к оторопевшим слушателям, сказал: — Вот вам лектор, он знает машину не хуже меня. Рассказывай, рассказывай! — подтолкнул он Сергея.

И Сергей Королев начал свою первую в жизни лекцию. Он рассказывал о гидросамолете конструкции Григоровича, сравнивал эту летающую лодку с ее предшественницей лодкой «М-5», а также с еще более усовершенствованной лодкой «М-11». Сопоставлял мощности моторов в лошадиных силах, подробно описывал их устройство. И экскурсанты, в основном рабочие одесские парни и студенты, ловили каждое слово этого розовощекого, коренастого, с круглыми карими глазами лектора.

Шляпников вышел из ангара с другой толпой экскурсантов и повел их в моторную мастерскую. Проходя мимо Королева, он кивнул ему, как будто они виделись вчера.

— Я искал тебя. Задыхаемся...

— А где Савчук? — на ходу спросил Сергей.

— Там! — поднял глаза к небу Шляпников.— С Алатырцевым одесситам землю показывают...

Сергей, кончив лекцию, подошел к спускам и стал поджидать гидросамолет из полета.

Они вернулись скоро, облетев традиционный круг над городом. Не успели подрулить к спускам и высадить разгоряченного пассажира, как следующий тут как тут. Александр Алатырцев сделал знак рукой, выставив ладонь вперед:

— Минутку!..— и покричал на берег: — Сережка! Ты откуда взялся?

Иван Савчук, тоже увидев Королева, помахал ему из кабины:

— Привет, привет... Давненько ж тебя не было...

— Поговорить бы надо...— неловко, стесняясь экскурсантов, попросил обоих Сергей.

— Сейчас вот еще один кружок сделаем и поговорим, с удовольствием с тобой поговорим! — заводя мотор, крикнул Королеву Алатырцев.

Они устроились втроем — Алатырцев, Савчук, Королев — в метеобудке, из которой лишь вчера Шляпников прогнал на гауптвахту метеоролога за то, что одет был не по форме: вместо пуговиц морской китель был застегнут на спички. Посмеялись выдумке метеоролога, пообсуждали старую любовь Шляпникова к порядку, порасспросили друг друга о новостях, и Сергей решился завести разговор, ради которого так спешил в отряд:

— Вы помните наш разговор в «Гамбринусе»? — Алатырцев с Савчуком заулыбались: еще бы не помнить им это первое «Сережкино крещение».

— Вспомнил «Гамбринус», а? — заливался Савчук.— Самое время, Саш, а? Давно не виделись!..

— Да нет, я не о том! — горячился Сергей.— Помните наш разговор там о новом горючем для самолетов?!

— А... Вона куда его повело! — все еще улыбаясь, ахнул Савчук.

— Постой, постой! — серьезно остановил весельчака Алатырцев и так же серьезно спросил Сергея:

— Ты что, горючее новое для самолетов придумал?

— Да не я,— смутился Сергей.— Проект тут один есть... Вчера я его нашел в публичке...

— Проект... в публичке?.. Да ты говори толком! — попросил его Алатырцев.

— Хорошо, все по порядку. Сидим мы, значит, с Валькой Божко, другом моим, занимаемся. И вдруг случайно, в конфискованной литературе какого-то графа, встречаю: Николай Кибальчич. Проект летательного аппарата с двигателем по типу ракеты! Он считает, что его аппарат может подняться очень высоко!

— Это тот Кибальчич, что Алексашку второго кокнул? — весело спросил Алатырцев.

— Читал я об этом в журнале,— вспомнил Иван Савчук.— Интересная идея. Только трудноосуществимая. Много проблем. Главная: найти способ, чтобы взрывчатка при горении не разорвала цилиндр. Другая: чтобы горение происходило медленно, частями...

— Это что же, выходит дело, ты летишь, в машине взрыв за взрывом, а ты продолжаешь лететь?! — заулыбался Алатырцев.

— Да, двигатель с горючим из медленно горящих взрывчатых веществ,— подтвердил Савчук.— Постоянный выход взрывных газов и дает движение, обратное направлению газов.

— Любопытно,— призадумался летчик.— Может, попробуем, Вань, а? — подмигнул он Савчуку.

— Если у тебя найдется медленно горящая взрывчатка — пожалуйста. Я всегда «пожалуйста» на любой риск. Только давайте сначала закончим наши агитполеты. И «ликвидируем авиабезграмотность масс»!

Алатырцев с Савчуком ушли в очередной агитполет, а Сергею Королеву дали новую группу экскурсантов.

15 февраля 1923 года в Одессе собралась инициативная группа старых авиаработников: летчик-наблюдатель Б. В. Сеченов, конструктор Б. И. Зильберквит, инженер С. З. Нотариус, бывший начальник аэродрома Б. В. Фаерштейн, работники авиазавода Я. З. Кофман, А. И. Камм, Ф. А. Зубрицкий.

— Молодой Советской республике нужна была своя авиация, нужны свои конструкторы самолетов, свои летчики,— начал разговор один из первых советских летчиков, Б. В. Сеченов.— Нужны люди, которые будут строить и летать. Наша задача — найти этих людей, увлечь их и привести в авиацию.

И вот весной 1923 года Одесса — извечный город-порт — стала похожа на аэропорт. Самолеты взлетали

и с моря, и со Стрельбищного поля, кружили над городом, снижаясь так низко, что одесситы могли разглядеть пуговицу на шлеме летчика. Белым листопадом падали с неба листовки. Дома налепили на себя немыслимое количество пестрых плакатов, которые останавливали прохожих призывом: «Трудовой народ, строй свой воздушный флот!» Одесские летчики Шляпников, Боровиков, Савчук, Алатырцев, Лавров, Шимановский выступали прямо на площадях, читали лекции об истории авиации. Шла кампания «ликвидации авиабезграмотности».

Главными пропагандистами стали летчики третьего гидроотряда Шляпникова и второго истребительного отряда Лаврова. Решено было для пропаганды авиации использовать все — даже жалкие остатки авиадеталей в бывших мастерских знаменитого одесского предпринимателя Анатры.

4 марта 1923 года в Одессе родилось Общество пролетарской авиации, которое позже получило название ОАВУК — Общество авиации и воздухоплавания Украины и Крыма. И, заняв личный особняк Анатры на Пушкинской 29, Общество развернуло работу: запись в члены Общества, запись в кружки, сбор средств в фонд авиации, лекции, экскурсии, полеты на самолетах.

В июне 1923 года в бывший особняк Анатры пришел Сергей Королев. Открыл дверь и попал... в зимний сад. Цвели магнолии, благоухали олеандры. У огромного окна, обвитого виноградником, сидела важная секретарша.

— А есть Козюра? — тихо спросил Королев.

— Уполномоченный Наркоминдела сегодня не принимает,— не взглянув на Королева, ответила секретарша.

— Я не в Наркоминдел — в ОАВУК,— вежливо уточнил Сергей.

— Ах, вы к авиаторам, это в зале, рядом,— неопределенно махнула секретарша,— ищите Фаерштейна.

Козюра был почетным председателем ОАВУКа, а всю текущую работу взвалил на себя бывший начальник аэродрома Борис Владимирович Фаерштейн.

Королев застал его в углу большого зала прилипшим к телефону. Маленький, с пышной шевелюрой, Фаерштейн, точно клубок шерсти, свернулся над трубкой.

— Завод Чижикова тысяча рублей золотом, так. Одесский горсовет еще семьсот. Хорошо! Ольшевец! Ольшевец! Слушай меня внимательно: завтра тебе лететь с докладом в Херсон и Очаков. Перед отлетом дашь объявление в газете о вечере в пользу авиа. А сейчас мне некогда — я через час улетаю в Николаев.

Он с треском бросил трубку и удивленно посмотрел на Королева.

— Ты кто?

— А ты кто?

— Я?.. Я Фаерштейн.

— А я Королев.

— А... Из гидроотряда. Слышал. Что умеешь делать?

Вопрос застал врасплох. А отвечать надо было. Ну что ж:

— Крутить сальто, ходить на руках, писать стенограммы — сто двадцать знаков в минуту (он, конечно, прибавил), мыть полы, чинить крыши, кое-что выпиливать...

Фаерштейн расплылся в улыбке:

— Не так уж плохо для твоих лет. Ну, вот тебе первое задание: изучи литературу, какая есть по авиации. А вернусь — поговорим.

Фаерштейна не было долго. Сергей перечитал все, что было по авиации в публичной библиотеке.

Наступили каникулы, и в библиотеке стало просторно, не то, что в долгие зимние вечера. Даже друг Сергея Валя забыл «публичку» и, пустившись в каникулы на заработки, устроился с помощью руководителя летней практики Бутми-де-Кацмана в строительную бригаду и зарабатывал себе на штаны.

А Сергей сидел в полупустом зале, зарывшись в горы книг, ожесточенно штудировал их. И в его жизнь вошли новые имена: Циолковский, Перельман. Отныне он не пропускал ни одной книги по межпланетным путешествиям. Он, как прежде, работал до закрытия, оставшись иногда один во всем огромном зале.

Познакомился с брошюрой К. Э. Циолковского «Аэроплан или птицеподобная летательная машина» 1894 года издания. Читал о том, как русский летчик Петр Нестеров впервые в мире осуществил на самолете «мертвую петлю», а инструктор Качинской школы Константин Арцеулов первым в мире вошел в преднамеренный штопор. Много читал о Сергее Уточкине, одном из русских летчиков, одессите, самостоятельно, без помощи инструктора научившемся летать и многие годы потрясавшем своими полетами Россию и заграницу.

...Первый в жизни самолет, который увидел Сергей Королев, пилотировал Уточкин. Это было еще в детстве, в Нежине. Бабушка водила его на загородное поле смотреть на полеты Сергея Уточкина. Все было торжественно и празднично, собирался весь маленький украинский городок.

И вот теперь Одесса чем-то напомнила Сергею старый Нежин. Только самолетов здесь было больше. И летали они и над городом, и над морем.

Фаерштейн все не возвращался из командировки. И Сергей принялся за журналы, в которых тогда много

писали по планеризму. Он теперь знал наперечет всех летчиков и конструкторов планеров, мог безошибочно назвать марки планеров, разобрать их конструкции и рассказать о них.

А когда в очередной раз зашел в ОАВУК, секретарь Павел Максимов всплеснул руками:

— Где ж ты был? Фаерштейн вернулся, а вчера опять улетел. Да зачем тебе ждать его? Иди в соседнюю комнату, там Лавров, он все скажет. Курсы пропагандистов авиации ведет он.

Начальника «ИСТРО-2» летчика Лаврова Сергей не однажды встречал в отряде, виделся с ним и в спортклубе «Сокол», он был хорошим гимнастом. Открыв дверь в соседнюю комнату, Королев застал довольно странную картину: весь большой зал был завален связками книг и брошюр, а посредине, на одной из таких связок, озабоченно подперев щеку кулаком, сидел Лавров. Не изменив позы, грустно посмотрел он на Королева и пожаловался:

— Вот, понимаешь, литература пришла из центра. Вся на немецком! Что с ней делать?

Сергей нагнулся над связкой книг.

— «Отто Лилиенталь — прочитал он.— Дер фогельфлюг альс грюдлаге дер флигеринст». Можно я посмотрю?

— Бери, бери,— добродушно разрешил летчик.— Ты насчет курсов? Давай проконсультирую...

В строительной школе удивились внезапно обострившемуся интересу Королева к немецкому языку. Сергей зачастил за консультациями к учителю, надоедал он и дома Григорию Михайловичу и матери: «Как перевести?» «Правильно ли я перевел?» Засел за словари и скоро уже мог читать книги по авиации на немецком.

Он прочитал «Полет птиц как основы летательного

искусства» Отто Лилиенталя, «Учение о летательных силах» Винера, «Результаты аэродинамической опытной установки в Геттингеме» Прандтля, книги немецких профессоров «Введение в механику», «Полет и наука», «Учение о полете».

Его влекла как научная сторона полетов — он изучил «Доклады и сообщения научного общества воздушных полетов» и «Ежегодник научного общества по авиатехнике», так и опытная, проектная сторона их. Он читал «Теорию и расчеты моторных воздушных кораблей» Эберхарда, «Строительство самолетов» Неймана, «Стабилизацию самолетов» профессора Бриана.

В связке книг Сергей выбрал несколько изданий о моторах, внимательно изучил их. Так, он познакомился с теорией расчета профессора Клода Дорнье, с пропеллером Гайслера, с авиамоторами Миллера и Румплера.

Заинтересовавшись воздушной навигацией, прочитал «Физические основы воздушной навигации», «Метеорологическое образование летчика» и другие.

Сергей изучал литературу по авиации рьяно и одержимо. А шел ему всего лишь семнадцатый год...

Он составил список книг на немецком, с которыми он познакомился,— получилось двадцать шесть. И не надеясь застать Фаерштейна, сложил список вчетверо, надписал: «Список книг на немецком по авиации 1922—1923 гг.» и, оставив его в ОАВУКе, ушел.

Павел Максимов нашел Королева только через неделю, на пляже.

— Так вот ты где! — Сергей вздрогнул от неожиданности, он спокойно лежал на солнце и тонкой струйкой пускал из ладони песок.— Фаерштейн с ног сбился, а он на солнце пузо калит! Давай срочно в ОАВУК!

Борис Владимирович Фаерштейн встретил Королева необычно серьезно. Сергей увидел у него в руках свой список книг.

— Вот что, парень, будешь читать лекции,— не спрашивая согласия Королева, решил за него Борис Владимирович.— Лекторов у нас мало. А ты, я вижу, образовался.

И послали Сергея с лекцией в порт, где он жил, к матросам, грузчикам, морякам.

Как рассказать этим людям об авиации? Ведь они начинают ее строить сами, на собственные средства — собрали в фонд авиации уже не одну тысячу рублей.

Собрание устроили прямо на берегу, где стоял у причала только что пришедший в гавань корабль. Погрузив тюки и покинув трюмы, грузчики спустились по трапу на Платоновский мол и тут же недалеко от борта корабля примостились, кто как мог, на старых ящиках, на бочках, прямо на земле. Сошли на берег матросы...

Сергей стоял в ожидании, когда все усядутся. Грузчики с любопытством разглядывали своего лектора.

Невысокий плотный юноша. По-девичьи круглы розовые щеки. Волосы черным ершиком. Глаза похожи на две большие сливы. Воротник белой рубашки распахнут. Что он скажет им, этот мальчик?

Сергей заговорил. Он рассказывал о первых русских летчиках, о самолетах, о роли авиации в годы гражданской войны. Об авиации будущего.

— Что оставил нам Анатра? — в упор спросил он какого-то грузчика и сам ответил: — Девятнадцать фюзеляжей Ньюпор, гондолу гидросамолета, четыре плоскости Дуко, четыре мотора Гном, двадцать штук стоечных башмаков и тридцать метров стального троса. Вот и все. А нам надо построить тысячи и

тысячи самолетов. Но учиться строить и на обломках Анатры можно...

Сергей, увлекшись, начал рассказывать о проекте Кибальчича: — В архивах царской охранки тридцать шесть лет пролежал замечательный проект, разработанный народовольцем Николаем Кибальчичем за несколько дней до казни. По его расчетам, вполне возможно построить такой аппарат, который поднимется очень высоко!..

И вдруг в разгар своей лекции Сергей увидел высокую, чуть сутуловатую фигуру Баланина. Григорий Михайлович подобрал по дороге ящик, присел с краю рядом с грузчиками.

Сергей стал говорить более сдержанно и строго. А Баланин слушал его со вниманием, как слушают знающего свое дело человека.

Королев кончил, и тут же объявили запись в члены Общества авиации. Сергей начал записывать и увидел, как отчим встал в очередь. Стоял серьезный и задумчивый и, подойдя к Сергею, односложно сказал:

— Запиши и меня.

В ОАВУКе отправляли представителя на первые Всесоюзные планерные состязания в Феодосию. Сергею очень хотелось поехать. И он, не скрывая, заявил о своем желании и Фаерштейну, и Боровикову. Выбор пал на Долганова, но Шляпников запротестовал: у него командировка в Севастополь. И в Феодосию отправили студента политехнического института Леонида Курисиса. А Сергею вручили путевку на очередную лекцию. Фаерштейн успокаивал: «В Феодосию поедешь в следующий раз».

Лекции, лекции... Лекции на заводах, в порту, в Одвоенморбазе. Сергей Королев рассказывал об истории авиации, о планеризме, об авиационной тех-

нике, которую он изучил с помощью одесских летчиков на курсах пропагандистов авиации в ОАВУКе.

Фаерштейн был доволен, хвалил Королева, а однажды дал пригласительный билет, предупредив:

— Не опаздывай. Ровно в семь.

Собрание началось в семь десять. Сергей увидел на трибуне Козюру.

— Первое общегородское собрание,— торжественно провозгласил тот с трибуны,— членов одесского губотдела Общества авиации и воздухоплавания Украины и Крыма приветствует вождя мировой революции дорого Ильича и желает ему скорейшего выздоровления!

Зал встал и долго аплодировал.

— Слово для внеочередного заявления предоставляется товарищу Шварцману.

На трибуне появился смуглый седоватый человек.

— Товарищи! Сегодня вернулся из Москвы товарищ Майоров, который на сегодняшнем губернском пленуме партийного комитета сообщил следующее: в здоровье товарища Ленина замечаются все большие и большие улучшения (аплодисменты). Товарищ Ленин совершает теперь прогулки не только в автомобиле, но и пешком. Товарищ Ленин все больше интересуется окружающими нас событиями.

По рядам передавали друг другу:

— Ленин читает сам газеты!

Козюра начал доклад, и тут только Сергей Королев понял, какая это сила ОАВУК. Пятьдесят тысяч рублей золотом собрано в Одессе и округе на постройку самолетов. Пятьдесят пять тысяч пудов хлеба сдали крестьяне в фонд авиации. Двести пятьдесят докладов прочитали летчики Одессы и такие пропагандисты, как он, Сергей Королев. Три тысячи членов

стало в ОАВУК, и несколько десятков из них привел Королев.

В перерыве Фаерштейн собрал центральный кружок планеристов Губотдела и объявил:

— Курисис привез с первых всесоюзных состязаний проект планера Арцеулова. Будем строить.

Из центра пришла новая инструкция: переходить ко второму этапу — самим проектировать и строить планеры, учить людей летать на них.

Мысль самому создать проект где-то таилась в глубине, но Сергей даже себе самому боялся признаться в этом. Кого угодно он представлял автором проекта — летчика Лаврова, ставшего председателем летно-технического бюро ОАВУКа, будущего инженера Курисиса, возглавившего секцию планеристов, морлета Боровикова, председателя авиационного технического общества. Кого угодно, но не себя. И только после «встречи с Кибальчичем» эта идея окрепла, утвердилась — Сергей почувствовал, что он создаст свой проект. Только планера ли? И почему планера?

Леонид Курисис, студент ОПИ, будущий инженер, возглавлявший планерный кружок, говорил, что лучше всего учиться летать и конструировать именно на планере.

«Начнем с малого!» — решил для себя Сергей. И взялся за проект планера.

Скрытный по натуре, он много недель носил это в себе. Но наконец не выдержал. Издалека, как бы между прочим, начал он разговор с Баланиным. Тот, как всегда вечерами, сидел дома за чертежной доской, набрасывал эскизы новых портовых кранов, элеваторов, погрузочно-разгрузочных механизмов. И когда напрямую Сергей высказался о проекте, он и насторожился, и обрадовался, и озаботился.

— Проект — дело серьезное,— наставительно гово-

рил Григорий Михайлович.— К этому надо готовиться.

Он обдумывал, как объяснить Сергею всю сложность дела, за которое тот берется, как растолковать, что алгебры и геометрии, которую преподают ему в строительной школе, вовсе не достаточно. И даже азы сопромата, которые он получает, не спасут.

— Нужно научиться считать. И не тем счетом, каким вы считаете в школе.

Григорий Михайлович скрутил в трубочку свой эскиз, аккуратно положил его в футляр и продолжал:

— Аэродинамику нужно знать. Ну, и еще с добрый десяток всяких наук. На вот, почитай для начала,— и он, порывшись в книжном шкафу, протянул Сергею старенький справочник конструктора.

Весь остаток лета 1923 года Сергей изучал книги по аэродинамике, высшей математике и проектированию, лишь иногда отрываясь, чтобы сбегать за консультацией к конструкторам в ОАВУК или к летчикам гидроотряда.

А когда за неделю-другую до начала занятий в стройшколе объявился Валя Божко, все лето работавший на стройках Одессы, комнаты Сергея он не узнал. Повсюду были развешаны листы с эскизами, сделанными карандашом. Листы лежали на столе, висели на стенах, были прикреплены к шкафу...

— Что это? — в изумлении остановился Валя.

— Тс! Это мой проект,— пояснил Сергей, бережно сворачивая лист за листом.

— Наконец-то! У него свой проект! — обрадовался Валерьян.— А то какой-то Кибальчич...

— Не «какой-то», а гениальный Кибальчич,— поправил Сергей.

— А ну, покажи, покажи! — заторопил Валя.—Планер?.. Что такое планер?.. Как самолет, только без мотора?.. И легкий... Из перкаля и тонких реек? —

удивленно повторял вслед за Сергеем каждое слово Валя. И, вконец разочарованный, отказался слушать:

— По-моему, это несерьезно, Сережка,— убежденно проговорил он.— Ты что, змея что ли собрался клеить? Зачем тебе это надо? Дохлое это дело, Сережк. Брось ты это. Займись чем-нибудь посерьезней.

— Это серьезно, Валя,— убеждал Сергей.— Надо начинать с малого. Мне конструкцию аппарата на этом планере изучить надо, летные качества его. И учиться летать тоже на планере лучше всего, говорят.

— Без мотора-то? Да ты что? — удивился Валя.— Лбом об землю — и на тот свет?

— В том-то и секрет: мотора нет, а летит, и управляешь полетом только ты. Вот когда можно научиться нутром чувствовать в полете машину!

— Не знаю, Сережа...— уже не так уверенно отрицал Валерьян.— Но, слава богу, что ты хоть от этого Кибальчича отстал...

— Почему ты думаешь, «отстал»? Наоборот! — возразил другу Сергей.— Моя программа остается той же: строить и летать, летать и строить. И если удастся — взлететь очень высоко!

...Осень стояла долгая и теплая. 7 ноября 1923 года мужчины вышли на улицы в праздничных костюмах, а женщины — в легких платьях. Сергей Королев шел на Октябрьский парад с матерью, Григорием Михайловичем и Валей Божко. С тех пор, как Сергей занялся проектом, Баланин переменил свое настороженное отношение к авиации и стал даже помогать ему в расчетах. Он позволил Сергею рано утром 7 ноября подняться чуть свет и сбегать в гидроотряд.

Гидросамолеты стояли свежевыкрашенные, готовые к параду. Мотористы и механики, а особо морлеты, были как один в морской синей форме и белоснежных фуражках с крабами. Шляпников принимал парад.

Покрутившись среди друзей и поздравив их с праздником, Сергей заторопился домой и, принарядившись в новую куртку, отправился на площадь. Кругом море цветов — Большой фонтан щедро снабжал город цветами.

Шли они в колонне рабочих порта. Впереди два дюжих грузчика несли красное полотнище, по которому огромными белыми буквами было написано: «Одесский порт». В середине колонны ехала повозка, превращенная фантазией художников в корабль, на борту которого выведено «Алмаз» — военный крейсер «Алмаз» в революцию первым вошел в Одесский порт, и моряки его поддержали Советскую власть.

В колоннах пели песни, кричали в сторону трибун «ура!». Вдруг эти возгласы заглушил знакомый рокот. Два гидросамолета красиво шли в паре. Прикрыв ладонью глаза от солнца, Сергей смотрел в небо.

— Шляпников и Пиркер,— важно сказал он своим, кивнув на самолеты.

В какой-то неуловимый момент самолеты разминулись — одна машина пошла вверх, быстро набирая высоту, другая резко кинулась вниз, к земле. Было похоже, будто две птицы, испугавшись друг друга, ринулись одна от другой. У самой земли Шляпников взял ручку на себя и повел гидросамолет вновь на подъем. Теперь послал к земле свой трофейный «Австродаймлер» пилот Пиркер. Покружив над колонной так, что демонстранты могли разглядеть и его, Пиркера, и механика рядом, летчик дал крен и стал уходить к морю. И вдруг — Сергей Королев увидел это своими глазами — будто вырвало ветром кусок перкаля и он затрепетал в небе, и крыло безжизненно повисло, как у подбитой птицы. Машина падала...

Сергей выскочил из колонны, но его схватила цепкая рука отчима.

— Куда?! — Григорий Михайлович потянул Сергея за рукав.

...Море улеглось после осеннего шторма, и, словно обессилевший в драке зверь, распласталось и замерло в наступившей внезапно тишине. Не слышно ударов-всплесков, не видно фонтанов-взрывов, которые лишь вчера норовили сбить с ног берег.

Сергей сидел у костра и мешал палкой угли. Искры вспыхивали и звездами уносились в вечернее небо.

— Ну, где вы там, утонули что ль? — прокричал он в сторону моря.— Али крабы вас уволокли...

Из полумрака выросли две обнаженные фигуры: подлиннее Вали Божко, покороче Володи Бауэра. Волосы у обоих прилипли к лицу, вода струилась по телу. В руке у каждого по большому крабу.

— Я ж говорил, что после шторма у берега не то что краба — акулу поймаешь! — победно поднял краба над головой Божко.

Крабов бросили в костер, а пока они пеклись, Сергей продолжал изливать душу друзьям:

— Вот кончу школу, уеду в Москву, пойду работать к Туполеву — тогда заживу...— он лежал на холодном песке, подперев ладонями скулы, и рассказывал Вале и Володе про первый самолет Андрея Николаевича Туполева — АНТ-1, который сам-то он видел лишь на картинке. Но он знал об этом самолете так много, что друзья дивились, как все это можно запомнить, все эти нервюры, лонжероны.

— А что ты там собираешься делать? Самолеты строить? — раздирая на части краба и смачно обсасывая клешню, спросил Володя Бауэр.

— Для начала я буду конструктором планеров,— рассудительно мечтал Сергей.— Строить планеры и летать на них!

— Сереж, а если не удастся к Туполеву, тогда что? — спросил Володя.

— Хоть чертежником, но к Туполеву! — твердо ответил Сергей.

30 декабря 1923 года на Платоновский мол были званы гости: Ляля и Юра Винцентини, друзья из стройшколы. Мария Николаевна испекла большой именинный пирог. Сергею исполнилось семнадцать лет. Заводилой вечера была мать. Она устраивала шарады, литературные игры. Долго не могли разгадать слово, а оно оказалось «пифия». Пели, читали стихи, танцевали.

В разгар вечера появился запоздавший Жорж Калашников. Жорж Калашников! Франт и позер, футболист и гимнаст. И девичий кумир... Он раскланялся со всеми и, оторвав от стола Марию Николаевну, закружил ее в вальсе, как девушку.

В тот вечер Сергею Королеву было высказано много хороших пожеланий. А самое дорогое — от друга Вали Божко. Он отвел Сергея в сторонку и, пожав крепко руку, по секрету от всех пожелал:

— Строить тебе и летать!

— Угу...— улыбнувшись глазами, кивнул Королев.

Григорий Михайлович, весь вечер сидевший молча в конце стола, вдруг тоже поднялся и подошел к Сергею. Он был сдержан и скуп на слова.

— Ты не сердись на меня, Сергей,— начал, в чем-то стесняясь своих слов, Баланин.— Может, я излишне суров с тобой. Но я хочу тебе добра. Хочу, чтоб ты человеком вырос. И пойми ты меня: разве я против твоей авиации, нет, просто я не хочу, чтоб ты голову сложил ни за что ни про что, ничего еще не сделав в жизни. Вот проект начал — это дело хорошее. Не бросай. И не прячь от меня чертежей. Я тебе еще пригожусь,— и пожал по-мужски руку Сергею: — Ну, дай тебе бог крылья...

Новый год встречали всей школой. В зале стояла большая елка. Стрелки часов миновали одиннадцать, когда на сцену вышел рыжий нескладный мальчик. Конферансье представил:

— Святослав Рихтер.

Мальчик играл час. А его не отпускали. Стрелки приближались к двенадцати, когда он начал большую сложную сонату. Все забыли, что ровно в полночь люди должны поздравлять друг друга. Мальчик играл. И когда кончил, стрелки показывали семь минут первого. Завуч стройшколы Александров пожал ему руку и сказал:

— Итак, под звуки музыки старый год отошел. С Новым вас годом, товарищи! С тысяча девятьсот двадцать четвертым!

В классах были накрыты столы. Ожидая тоста, как всегда высокопарно, рассуждал Назарковский. Рьяно спорил с ним «философ» Шурка Молдавер. Хохотала в углу компания Винцентини. И в эту минуту вошла Лидочка Гомбковская в белом летнем платье и легких туфельках. После деревяшек, которые она носила недавно, туфельки были похожи на Золушкины, и все от изумления замолчали. В углу минутное замешательство и вдруг хором:

— Да здрав-ству-ет Первое мая!

— Это вы ко мне? — изумилась Лидочка. И тут погас свет.

— Видите, это от вашего хохота,— укорила она.

Пока меняли пробки, Лидочка при свете свечи хозяйничала за столом.

— Предлагаю тост за стажеров! — выкрикнул Жорж Калашников.

Да, они теперь стажеры. Последний год школы и — выпуск. Пели. Смеялись. И вдруг кто-то вспомнил:

— Ребята! У Люськи стихи есть. Пусть почитает.

— Меликова, не таи!

Сергей молчаливо сидел в углу и лишь изредка бросал реплики.

Остроглазая, злоязыкая, с тонким пискливым голоском трещотка Меликова читала:

У одесской стройпрофшколы
Есть уже свои стажеры —
Гордый будущий народ,
Инженеров целый взвод.

— Это про нас? — изумился в углу Сергей.

— Нет, это еще не про вас,— отбила Меликова.

Вот светило Назарковский.
Горд и важен, критик он.
Как профессор Куликовский,
Нагонять он будет сон.

— Жорж! Как тебя, а? Раз-де-ла-ли!— слышалось из угла.

А Меликова продолжала:

Если Берман окончит ОПИ,
Будет он инженер замечательный.
И всегда к нему можно прийти,
Проведет он вам свет обязательно.

— Закабалил себя Берман! — смеялись в углу.— Менять тебе всю жизнь пробки у Меликовой!

Вот Сережа Королев,
Делать ласточку готов
Он хоть каждую минуту,
И, подобно парашюту,
Через стол его несет!
Он летает, как пилот!

— Серега, выжимай стойку! — требует неугомонный Жорж Калашников.

Я б желала поскорее
Ему крылья приобресть,
Чтоб летать он мог быстрее
В дом, где цифры шесть и шесть![1]

Под общий хохот Сергей сбегает в коридор. «Крылья», «Пилот» — неужели кто-то узнал? Или Меликова случайно угадала?

В школе почти ничего не знали о том, что он работал теперь ночами над собственным проектом планера.

Первый проект

Старый фонарщик Карл Аксцин давно погасил фонари. В комнате тихо мерцает лунный свет.

Сергей лежит на красном диване в столовой и слушает немоту ночи. В окно огромным шаром катится луна, и в свете ее птица на темно-вишневом буфете кажется черной.В углу часы с длинным маятником мерно ведут счет тишине.

Выждав час, другой, пока в доме все не угомонились, Сергей, замаскировав как следует лампу, сел за стол, достал сложенные в несколько раз листы — первые наброски планера. Он уже определил очертание в плане и общие размеры несущих плоскостей. Теперь надо рассчитать нагрузку. Что же на занятиях говорил руководитель конструкторской секции опытный летчик Лавров? Так:

«Нормальная величина нагрузки колеблется от 7—11 килограммов на квадратный метр для моноплана, но пример некоторых машин, имевших нагрузку в 12—13 килограммов, показывает, что, имея сравнительно большую нагрузку, но и достаточно хорошие

---

[1] Номер дома Винцентини.

аэродинамические качества, аппарат может быть великолепным парителем...»

Сергей еще раз внимательно перечитывает запись, берет таблицы и принимается за расчеты.

Просидев до полночи, он чуть не проспал в школу. На ходу умывшись, без завтрака, самой короткой дорогой по Матросскому спуску бежит к трамваю. Запыхавшись, влетает в класс, когда в него входит с туго набитым портфелем высокий и строгий Владимир Петрович Твердый. Начались практические занятия по сопромату.

Александров с учителями в своем стремлении дать выпускникам стройшколы хорошее образование пошли дальше программы — ввели начала сопромата и высшей математики. И тогда, может быть как никто другой, Сергей Королев почувствовал, как необходимо ему все это.

Деревянная свежеобструганная доска стояла вдоль стены на козлах. Изучая остаточную деформацию материалов, ее нагружали кирпичами, замеряя линейный прогиб; оставляли кирпичи на пятнадцать минут, на целый день, на неделю.

Решали задачи. Владимир Петрович Твердый диктовал вопросы:

— Какой высоты может быть стена из слабого известняка, чтобы не быть раздавленной собственным весом, если $d = 0{,}0015$ *кг*, а $T = 1{,}5$ *кг/см*?

«А предельная длина крыла из перкаля, чтобы оно не было разорвано при полете?» — хотелось спросить Сергею. Но он сдержался.

После занятий в школе он каждый день непременно шел в ОАВУК. «Неделя воздушного флота» всколыхнула всю Одессу. А потом началось то, на что агитаторы не рассчитывали. Как только Борис Фаерштейн бросил со страниц одесских «Известий» призыв: «Нам

нужны проекты, много проектов! Пусть работают все!» — в ОАВУК повалили доморощенные конструкторы. Кого только среди «проектантов» не было: приносили свои проекты инженеры, студенты. Но сколько же было таких, кто не имел ни малейшего представления о физике, механике, конструировании, которых увлекла лишь идея. Приходил и старый кабатчик, и разорившийся коммерсант, и недоучившийся гимназист...

— Если завтра придет к нам Мишка Япончик и выложит свой проект, я ничуть не удивлюсь,— часто говаривал теперь Фаерштейн.

Леонид Курисис, ездивший на первые Всесоюзные состязания планеристов, рассказывал, что какие-то школьники, не то вятские, не то костромские, он точно не помнил, привезли свой планер. Они сколотили его из досок старых ящиков, выкрасили в черный цвет и назвали «Ворона».

Фаерштейн посмеялся рассказу Курисиса, но сам был озабочен. В ОАВУКе создана конструкторская секция, над проектами работают студенты, рабочие, преподаватели. Но как знать, как бы из их рук не вылетела «Ворона»...

Фаерштейн вынес на обсуждение президиума ОАВУКа программу работы конструкторской секции: проектантов было решено учить — учить теории, учить практике проектирования, используя для этого лучших летчиков Одессы.

Василию Константиновичу Лаврову — начальнику истребительного отряда «ИСТРО-2» поручили читать конструкцию летательных аппаратов. Был ли он конструктором, Сергей не знал, но конструкцию самолетов читал отменно.

Королев садился поближе и стенографировал его лекции.

— Предположим, у нас есть задание спроектировать планер определенного типа (по числу несущих плоскостей) и служащий определенной цели (учебный, рекордный и пр.),— начал Лавров.— Определения основных очертаний и размеров, производимые в первую очередь, почти целиком зависят от поставленной перед конструктором задачи.

Сергей приготовился записать, как же определяются очертания и размеры, и вдруг вспомнил, что оставил эскизы и расчеты своего планера дома на диване! Утром, собираясь впопыхах, он забыл спрятать их. Попался! Дома поймут, что он опять работал ночью...

— Из пяти приведенных форм крыльев,— продолжал Лавров,—в плане для планера-моноплана, так же как и для биплана, берется крыло третье и пятое. Очертание второго в планеризме употребляется довольно редко и предназначено для маломощных самолетов, мотоавиеток. Контур четвертый в форме индийского семени «Цанония» обладает исключительной автоматической устойчивостью, так что, будучи брошено, произвольно переходит в нормальный планирующий режим, а потому удобен у планеров для первоначального обучения.

«Эскизы... эскизы...» — стучало в голове у Сергея.

— В прежнее время почти всякое оперение снабжалось стабилизатором при руле глубины, однако последние опыты парящего полета показали излишность «мертвого мостика», как его еще называют. Общепринятой формой руля глубины можно считать...

«Что скажет Баланин?» — отвлекался Сергей.

— В отношении внешних форм безмоторного самолета-парителя следует стремиться достигнуть наибольшей плавности и удобообтекаемости форм, так, например, форму фюзеляжа приблизить по возможности к

форме наименьшего сопротивления, то есть каплевидной...

В этот день Сергей едва дождался конца лекции. Он занимался вместе со студентами политехнического института. Все они были сильнее Королева в теории, и Сергей обычно после занятий донимал их просьбами растолковать непонятное.

На этот раз, едва Лавров закончил, Сергей сорвался с места и помчался домой.

Подойдя к ограде, он увидел, что в столовой горит свет, значит, отчим дома. Одним махом одолев три пролета лестницы, Сергей открыл дверь.

Григорий Михайлович сидел на диване и держал в руках его эскизы. Сдвинув складки бровей, молча изучал их. Наконец поднял глаза:

— А вот тут у тебя ошибка,— Сергей посмотрел на Баланина в изумлении, а тот невозмутимо продолжал: — Как ты рассчитываешь нагрузку крыла?

— Да никак еще не рассчитывал. Аэродинамический расчет нам читают в пятницу.

— То-то и оно. А нагрузка крыла рассчитывается так. Местонахождение центра давления вдоль хорды крыла зависит от двух факторов: угла атаки и профиля самого крыла. Для хороших профилей центр давления почти не перемещается при изменениях угла атаки...

Сергей смотрел на Баланина и думал: «Откуда он все это знает?» Отчим, поймав его на мысли, заметил как бы между прочим:

— Я ж кончал политехнический... А рассчитывается это по формуле...

И он показал Сергею весь расчет.

«Я ждал нахлобучки, а получил аэродинамический расчет»,— вспоминал впоследствии этот эпизод Сергей Павлович Королев.

К весне стали торопить с проектами. Курисис заканчивал одним из первых. Когда проект был почти готов, Фаерштейн собрал центральный кружок планеристов при губотделе, пригласил членов конструкторского бюро: Лаврова, Боровикова, Селезнева, Долганова. Автор проекта Курисис тоже был членом этого бюро. На обсуждение пришел и Сергей Королев.

Курисис вывесил чертежи, доложил о проекте. Фаерштейн, обрадованный первой законченной работой, готов был начать строить планер хоть завтра. Лавров, на правах председателя авиационно-технического бюро, остудил его, сделав несколько замечаний.

И тут неожиданно для всех встал Королев.

— При таком профиле крыла, какой выбрал Курисис, конструкция будет тяжела.

Все растерялись от такой категоричности суждения школьника. А Курисис насупился.

Сергея поддержал Василий Долганов:

— По-моему, Сергей верно заметил: не взлетит машина.

— Он этого не сказал! — поспешил поправить дело Курисис.

Но приговор был произнесен, и конструктору предложили доделать.

— Ты теперь смотри, как бы он твой проект не провалил,— предупредил Королева Долганов.

— А я не боюсь,— спокойно ответил Королев.— Скажет что дельное — поправлю, а глупость — поборюсь!

Заседание кончилось, но Фаерштейн попросил всех задержаться.

— Тут явились еще «проектанты»,— пояснил он,— требуют, чтоб им создали отдельный кружок. Надо решить...

Они явились в ОАВУК всей командой: два брата

Властопуло, два брата Вольфовича, Александр Осташевский, Александр Бенетато, Александр Летинский и их предводитель Жорж Иванов.

Они выросли в одном дворе, эти несколько одесских мальчишек. Успели кончить четыре класса гимназии, когда пришла революция. Мальчишки по-своему участвовали в ней, подносили рабочим оружие, у них в тайниках были свои склады.

После революции многие из недоучившихся подростков оказались на какое-то время неприкаянными. Тут открылись в Одессе спортивные клубы, и все — и прикаянные, и неприкаянные — ринулись туда. Никогда более Одесса не знала такого упоения спортом.

Летом все пропадали в яхтклубе. Яхты, принадлежавшие ранее известным богачам, были отданы во всеобщее пользование.

Жорж Иванов привел свою дворовую команду в яхтклуб, и в один из летних дней Шура и Коля Властопуло стали матросами на «Этэре», Шура Летинский — матросом на судне «Искра», Яков Вольфович — на «Вербене», Шура Бенетато пошел матросом на «Симеиз», а Жорж Иванов устроился боцманом на яхту «Ирэна». Плавали, соревновались друг с другом, пока их не захватило новое увлечение.

В кампанию пропаганды Воздушного флота Жорж Иванов решил, что он не кто иной, как конструктор. Он оборудовал у себя дома на антресолях мастерскую, собрал друзей и начал строить с ними планер по собственному проекту. Ввели протоколы, печать, дневник работы. Тут-то и пригодился каллиграфический почерк Шуры Бенетато, которого начали именовать не иначе как «Пимен Бенетато».

Началось с игры, а когда почувствовали, что дело захватило всерьез, друзья предстали перед Фаерштейном.

— Боцман с яхты «Ирэна»,— отрекомендовался Жорж Иванов.— Так и пошло. Долго еще этот титул ходил за Ивановым как напоминание о первом его появлении в обществе ОАВУК. «Боцман с яхты «Ирэна»» был недоучившимся гимназистом. Худой, высокий блондин с длинными тонкими пальцами, он говорил речисто и красиво. Одну из своих самых красноречивых речей он произнес перед маленьким Фаерштейном. Это был монолог об истории и достижениях неизвестного дотоле кружка «АЭР». Фаерштейн выслушал его молча, с привычным юмором проглотил всю важность и напыщенность «боцмана» и пригласил на заседание. Тут и свела их судьба с Сергеем Королевым.

— Боцман с яхты «Ирэна» Иванов,— представился Жорж.

— Матрос с корабля «Квакушка» Королев,— в тон ему отрекомендовался Сергей.

— Да я ж тебя знаю! — всплеснул руками Жорж, и важности как не бывало.

— То-то и оно,— усмехнулся Сергей.— Помнишь, как я тебя на «Квакушке» чуть не утопил?

Сергей брал у друзей Ляли небольшую парусную лодку и плавал, иногда втроем, чаще вдвоем. На море они и «познакомились» как-то с Жоржем.

Ляля была красива: длинная золотистая коса, большие голубые глаза, высокая и тонкая. Лицо ее всегда как-то особенно светилось. Оно было из тех редких лиц, от которых глаз нельзя оторвать. Сергей из-за этого даже не любил с Лялей бывать на людях.

А на море хорошо... Но и тут кто-нибудь скользит мимо на яхте и вдруг увидит Лялино лицо и золотую косу...

— Девочка! Вы не желаете сменить капитана, а?

— Нет, не желаю! — весело смеялась Ляля.

— Может, перейдете на наш ковчег? — высокий

блондин встал на край яхты и протянул Ляле руку. Но вместо Лялиной руки на его ладонь вдруг легло тяжелое весло. Блондин схватил весло. Сергей потянул на себя, и тот, не удержавшись, плюхнулся в море. Сергей тотчас нырнул и вытащил пострадавшего.

— Откуда ты, «рыцарь с ковчега»? — подталкивая свою «жертву» в лодку, спросил Сергей.

— Без роду я, без племени...

— Я тебя не спрашивал о племени! — огрызнулся Сергей.

— А о чем вы меня хотели спросить, о родине, да?

— А хотя бы и о родине! — не отступал Сергей. Он втянул незнакомца к себе в лодку и усадил рядом с Лялей.

— Вы, кажется, хотели сменить судно? Пожалуйста! — подчеркнуто вежливо произнес Сергей.— Так как насчет родины?

— А мы — пролетарии, у нас нет родины!

— Ах, у тебя нет родины?! — вскипел Сергей.— А ну, давай назад, химера безродная!

— Это не я! Это кто-то другой сказал! — кричал в свое оправдание блондин, барахтаясь в воде.

— За других не прячься! Все равно в лодку не пущу! — грозил веслом Сергей.

Ляля впервые видела Сергея таким, и втайне гордилась. Обычно он в драки с мальчишками не вступал. А тут вдруг...

— Так помнишь, как я тебя на «Квакушке» чуть не утопил? — переспросил Сергей, узнав в боцмане с яхты «Ирэна» «рыцаря с ковчега».

Жорж Иванов заулыбался тонкими губами.

— Ну, есть у пролетариев родина? — напомнил Сергей.

— Есть! Есть! — отмахнулся Иванов.

— Не бойся, тут топить негде,— успокоил Королев.

Вскоре комнатка Василия Долганова превратилась в штаб-квартиру нового кружка. Здесь ребята часами обсуждали достоинства и недостатки известных им планеров, выдвигали свои идеи, спорили. Особо ярые словесные поединки разгорались между Королевым и Ивановым.

— А что спорить,— сказал как-то Долганов Сергею,— пора пропустить их через «анатомку»,— он часто бросал медицинские термины, жена его, Маша, работала в мединституте. «Анатомкой» Василий называл моторазборочную мастерскую.

Когда Долганов привел Жору Иванова, Шуру Осташевского, Шуру Бенетато, братьев Властопуло и Вольфовичей в мастерскую и посадил потрошить «Сальмсон», а потом потребовал собрать сызнова, ребята подняли руки. Сергей Королев работал молча, не кичась, что уже знает мотор досконально.

С того дня повелось: после обеда ребята приходили в гидроотряд. Долганов изучил с ними все узлы гидросамолета, познакомил их с приборами, навесным оборудованием к двигателям, перебрал карбюраторы, магнето, маслонасосы, фильтры, водопомпы...

Иногда в мастерскую заглядывал Иван Савчук. С веселой усмешкой кивая Долганову, он каждый раз не упускал случая позлоязычить:

— Ну, скоро твои хлопцы «змия» запускать будут?

— Скоро, скоро, как только ты научишься летать,— парировал Долганов.

В апреле стали готовить первую городскую конференцию планеристов. Фаерштейн вызвал Королева и Иванова и дал им задание:

— Соберите, сколько сможете, ребят и поезжайте завтра в «ИСТРО-2» к Лаврову, привезите оттуда детали самолетов — устроим на конференции выставку.

12 апреля 1924 года Сергей, как и договорились,

встретился с Жоржем на Новом базаре, в спортклубе «Сокол». «Боцман с яхты «Ирэна»» собрал свою команду, Сергей Королев — свою, из стройшкольцев. Зашли за Долгановым. Подождали, когда преподаватель физкультуры Николай Кристалев закончил свои занятия, прихватили его с собой, сели на трамвай и поехали к Стрельбищному полю. Трамвай отправился полупустой. На окраину, к аэродрому, мало кто ехал. «Команды» заняли свои места: правую лавочку — Королева, левую — Иванова. И слева, и справа за окнами зеленела первой весенней травой степь.

Трамвай шел, покачиваясь, как гусыня. Ехали долго. На последней остановке засидевшиеся пассажиры вышли прямо в поле.

Дорогу показывал Василий Долганов, только он бывал здесь в отряде у Лаврова.

В летной комнате их встретил летчик Ромашкин и предложил всем сразу же пройти в ангар.

— Полюбуйтесь нашим «Коньком-горбунком»,— распахнув деревянные двери ангара, показал он.

Самолет и впрямь был похож на Конька-горбунка.

Ромашкин рассказал устройство самолета, больше упирая на несовершенство его. Наслушавшись этих жалоб, Жорж Калашников не без иронии поинтересовался.

— И он может летать?

— Представьте себе — может. Хотите, прокачу?

— Что вы, что вы! — отмахнулся Жорж.

Летчик Ромашкин с помощью механика Долганова отобрал в ангаре ненужные детали самолетов, помог погрузить их в машину, которую дал начальник «ИСТРО-2».

Выставку оборудовали в Доме Красной Армии и Флота, где и должна была открыться в воскресенье 13 апреля 1924 года, в 12 часов дня, первая конферен-

ция планеристов города Одессы. К утру все приготовления были закончены. Фаерштейн организовал все, как на больших заседаниях: у входа — регистрация, в зале — зеленый стол президиума, сбоку — стенограф.

Фаерштейн примеривался к трибуне, когда в зал вошел начальник гидроотряда Александр Васильевич Шляпников, а с ним комиссар Буняев, летчик Телицын и механик Долганов. Они обошли выставку, посмеиваясь, назвали ее «неполным собранием обломков Лаврова» и заняли почетные первые места.

Народ, собиравшийся на конференцию, рассаживался островками. «Камчатку» заняла неугомонная «Январка» — кружок Январских мастерских, в котором строил свой планер Курисис. Преподаватель железнодорожного техникума Селезнев усадил своих студентов позади летчиков. Пришли почетные представители от авиазавода, от ремонтных мастерских, от 51 Перекопской дивизии.

И в тот момент, когда уже почти все расселись по местам, в зал торжественно вошли ребята, одетые с морским шиком, фуражки с крабами набекрень, отутюженные матросские брюки клеш и белые рубашки с черным галстуком.

— Ба! Да это же твои лихачи! — толкнул локтем Долганова Шляпников.

В то утро на одесской толкучке был большой спрос на матросские брюки и фуражки: кружок закупал себе форму. Сергею мать сама сшила синюю куртку, белую рубашку и брюки клеш, а фуражку с крабом пришлось купить.

Важно прошла команда в первые ряды зала и расселась рядом с летчиками. Шляпников затаенно улыбался. Пустили по рядам регистрационный листок для опоздавших. Жорж Иванов, увидев против своей

фамилии слово «АЭР», зачеркнул и поставил «ГИДРО». Шляпников не протестовал.

Начались доклады. Фаерштейн рассказывал о развитии планеризма на Украине и о дальнейших задачах спортсекции, о предстоящих планерных состязаниях. О планеристах Одессы докладывал Курисис. Он коротко осветил работу всех планерных кружков и стал говорить о задачах, которые надо решить до осени: построить планеры, испытать их и начать летную подготовку планеристов.

Как ни отбояривался начвоздухостанции Хандрос, а пришлось ему дать обещание подготовить площадку для планеристов. Он считал планеризм напрасной тратой сил и средств. «На эти бы денежки самолет можно построить...» — не раз говорил он Фаерштейну. И на конференцию Хандроса буквально вытащили. Тут и пристыдил его Шляпников.

— Как тебе, Моисей Ефимыч, не стыдно! Ты, который на авиации «собаку съел», не хочешь понять, что на планерах молодежь нам учить нужно.

В перерыве к Сергею подошел Курисис:

— Как дела, коллега?

Сергей ждал подвоха и поэтому уклончиво сказал:

— Работаю...

— Давайте, давайте скорей. Будем вместе строить, я вам помогу.

Этого Сергей никак не ожидал.

В ОАВУКе появились свои мастерские на Стрельбищном поле. Сергей подолгу и с удовольствием работал в них. Строили планер конструкции Константина Арцеулова. Конструкторское бюро, которое было создано в марте, рассудило так: пока еще создадут свои проекты, пока их утвердят в центре, подойдет время вторых всесоюзных состязаний, а летать будет не на

чем. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, один планер решили строить по готовому проекту.

В мастерских Королев с любопытством наблюдал работу опытного краснодеревщика Кама. Там он впервые увидел, как из легких реек, обклеенных тонкой фанерой, рождается фюзеляж. А из перкаля, натянутого на ажурные растяжки,— крылья. Сергей с охотой брался за любую работу. Он знал, скоро настанет время, и вот так же из фанеры и перкаля ему придется строить свой первый планер.

Но приближались выпускные экзамены в строительной школе, и Сергею волей-неволей пришлось на время отложить работу в Обществе авиации.

А тут еще беда, которая пришла нежданно-негаданно. Незадолго до окончания исключили из школы Валю Божко. И не только его: Лялю Винцентини, Володю Егорова, Илюшку Йоффика...

А случилось вот что.

Комитет пролетарского ученичества — КПУ — развернул бурную деятельность под лозунгом: «Долой старую гимназию! Даешь новую школу!» Был объявлен бойкот Бортневскому, его уроки перестали посещать. На зачете, сговорившись, несли тарабарщину. А когда почувствовали себя ненаказуемыми, выпустили стенгазету, где разрисовали Бортневского во всей красе. Александров не выдержал и сорвал газету.

— Это оскорбление человека! — кричал он.— Вы подрываете авторитет преподавателя!

— А если этот авторитет давно подорван? Тут уж ничего не сделаешь,— объяснял потом все происшедшее Сергею Валя.— Я пытался остановить ребят со стенгазетой — конечно, нельзя было в таких оскорбительных тонах. Но Александров тоже неправ, нужно было добиться, чтоб ребята сами сняли газету. А он погорячился.

Сидели вдвоем на скамеечке во дворе стройшколы.

— Что теперь будем делать? — спросил Сергей, будто и его исключили вместе с другом.

— Ребята хотят идти в наробраз,— мрачно сказал Валя.— Я так думаю: надо, не обращая внимания ни на что, готовиться к экзаменам.

Валерьян забросил даже курсы стенографии, которые в стройшколе работали факультативно.

А события продолжали развиваться. Появилась заметка в одесской газете. Александрова обвиняли в возрождении старой гимназии. Губотдел народного образования рассмотрел вопрос о стройшколе. Александрова сняли. Позже исключенные «бунтари» не раз жалели об этом. Они, поддержанные Темцуником и Аве, сдавали экзамены вместе со всеми.

А когда экзамены кончились, школа не опустела, выпускники ремонтировали ее сами, это было для многих практикой. После работы, собравшись во дворе, устраивали состязания в школьном спортивном городке. А то прямо из школы шли в спортклуб «Сокол», что на Новом базаре.

В «Соколе» Сергей и столкнулся как-то нос к носу с Жоржем Ивановым и его друзьями.

— Ты куда пропал? — схватил Сергея за рукав Жорж.

— Экзамены...— развел руками Королев.

— Свалил?

— Свалил.

— Тогда пошли с нами, в ОАВУКе совещание.

Сергей усмехнулся, оглядев нехитрое летно-морское одеяние Иванова:

— По случаю совещания ты сегодня в форме?

— Я всегда в форме,— отбился Жорж.

Сергей задержался у входа, ожидая товарищей по стройшколе. Так всей компанией отправились домой к

Василию Долганову. По дороге родилась мысль объединить планерные кружки.

— Вась, есть идея! Создать единый планерный кружок! — обрушил прямо с порога Сергей это предложение на голову своего старшего друга.

Иванов солидно стал развивать эту идею.

— Понимаете ситуацию: Сергей создал кружки в порту и на заводе Чижикова. У нас — ГИДРО. Завтра может возникнуть еще кружок. Так давайте мы их все объединим!

Объединяться пошли на Пушкинскую, в ОАВУК. По дороге Василий Долганов, оборачиваясь поочередно то к Иванову, то к Королеву, горячась, доказывал, что главное не в том, чтобы объединиться,— надо найти базу, завод ли, мастерскую какую-нибудь, где можно было бы строить планер.

Фаерштейн, занятый, как всегда, тысячью дел, на просьбу Иванова отвести комнату для занятий кружка махнул рукой и сказал:

— Берите аквариум.

Комната-аквариум имела свою «историю». После бурных кутежей, которые устраивал в своем особняке Анатра, подвыпившие купцы спускались из большого зала (где сидел теперь Фаерштейн) по винтовой лестнице в комнату-аквариум. Тут Анатра похвалялся своими рыбками. После революции, когда особняк отдали Обществу авиации, Фаерштейн спустил из аквариума воду, а комнату отвел под заседания.

Овальная комната, стены которой выложены сизым камнем с прилипшим к нему желтым ракушечником, оказалась тесной для кружка. Сидели по двое на одном стуле, прижавшись друг к другу.

На первом организационном собрании «Вечный Пимен» Шура Бенетато внес предложение объединиться.

Объединились. Создали единый кружок и назвали его ЧАГ — Черноморская авиагруппа безмоторной авиации. Жоржа Иванова выбрали председателем ЧАГа, Сергея Королева — его заместителем. Секретарем стал Жорж Калашников, а начальником старта — Шура Бенетато.

И тут же с места в карьер ЧАГ начал свою работу.

На первом же заседании ЧАГа Сергей Королев доложил о своем проекте планера. С собой у него не было ни чертежей, ни расчетов. Он набрасывал на листе бумаги маленькие эскизы и, высоко поднимая их над головой, рассказывал. Он говорил о контурах крыла, о хвостовом оперении, о системе управления будущего планера. Несколько месяцев он работал над проектом. И вот впервые он говорит о нем. И хотя здесь собралась не какая-то авторитетная комиссия, а близкие товарищи и друзья, Сергей не на шутку был взволнован.

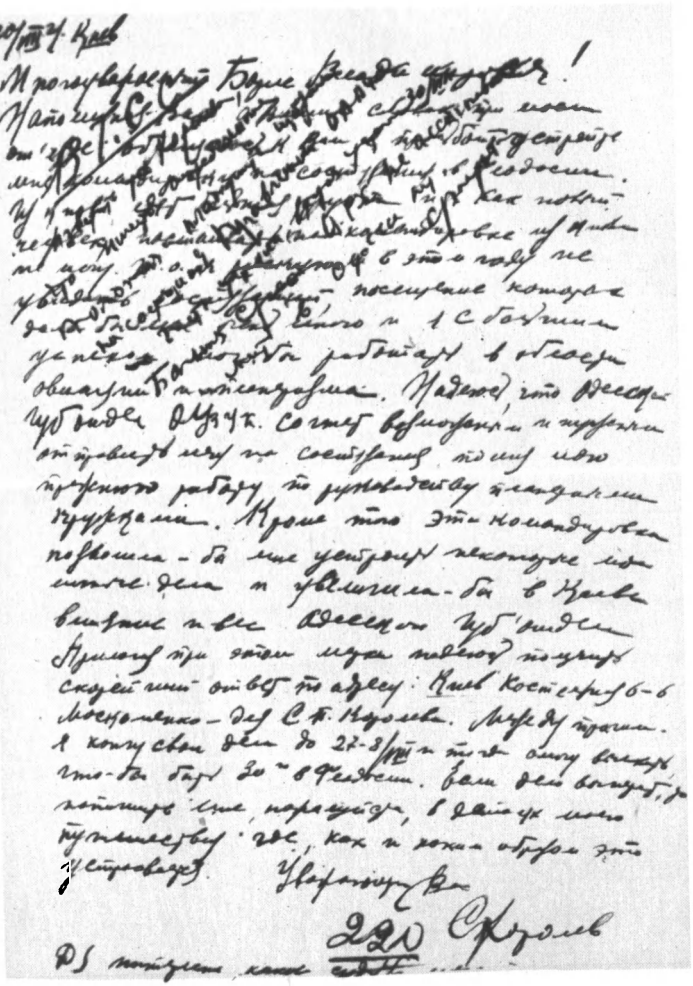
Слушали его молча, никто слова не проронил. Лишь Жорж Иванов, работавший сам над проектом гидропланера, засыпал Королева вопросами. Несколько робких вопросов задал Шурик Осташевский, а механик Долганов дал уйму дельных советов.

Жорж Калашников об этом заседании записал в протоколе буквально три слова:

«Слушали о чертежах т. Королева	Постановили: предложить т. Королеву в кратчайший срок закончить разработку сухопутного безмоторного самолета».

«Пимен Бенетато» переписал каллиграфическим почерком протокол, два Жоржа — Иванов и Калашников — подписали его.

Это было 3 июня 1924 года.



20/III 34 г. Киев

Многоуважаемый Борис Евгеньевич!

[illegible]

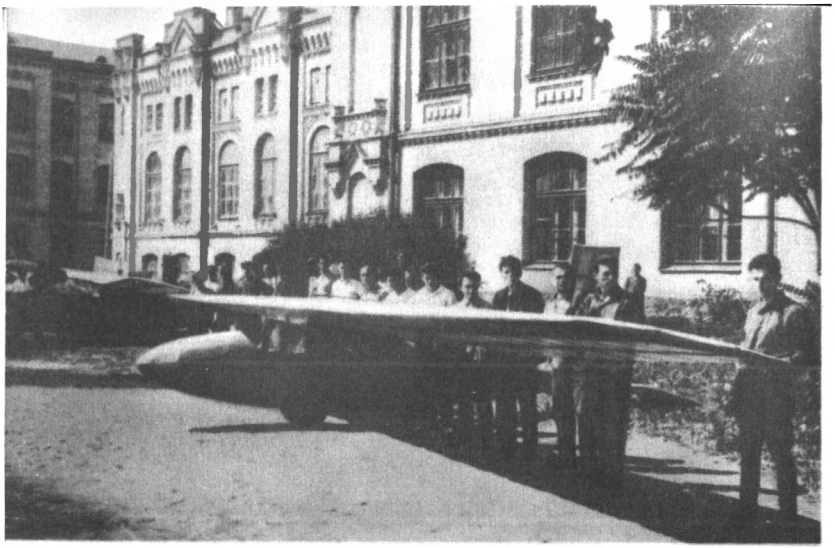
[illegible] как [illegible] в этом году не [illegible] посещение которое [illegible] с [illegible] в отделении авиаспорта и авиаспорта. Надеюсь, что Одесский ОАВУК [illegible] Согласен вполне и прошу отправить меня по соответствующему месту моего прежнего работы по руководству планерными кружками. Кроме того эта командировка повлияла бы мне укрепить некоторые мои личные дела и увеличила бы в Киеве [illegible] в Одессе. Прошу при этом меня подробно [illegible] сообщить ответ по адресу: Киев Костельная 6-6 Мосненко — для С. П. Королева. Заранее [illegible]. Я кончаю свои дела до 27-3/III и [illegible] чтобы быть 30-31 в Феодосии. Ваш ответ [illegible] в дальнейшем мне [illegible] как и куда отбыть это [illegible].

Уважающий Вас

220 Королев

PS [illegible]

Письмо Сергея Королева в Одесский ОАВУК
с просьбой послать его на планерные состязания
и резолюция Фаерштейна.



Парад планеров КПИ перед отправкой
на состязания в Коктебель.
Шестой справа Королев.

В КИЕВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КОРОЛЕВА Сергея, окончившего 1[illegible]

строительную профшколу.

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу принять меня в К.П.И.

Обучался в настоящем году I в строительную профшколу в Одессе. Отбыл всю мою практику-строительные работы по квалификации подручного чертежника.

Год работал в Губотделе общества авиации и воздухоплавания, принимая участие в конструкторской секции авиационно-технического отдела.

Имеем сконструированный безмоторный самолет оригинальной системы "К № 5". Прошел в чертежах, после просмотра всех расчетов прошел отделом ОСАВУК для постройки, а сейчас ждет утверждения в Центральной модели в Харькове.

Кроме того, в течение года в руководстве кружками рабочих учреждения порта, и на заводе им. Жерта в Бадине.

Все необходимые сведения по отделам авиации и специально воздухоплавания получены мною самостоятельно, пользуюсь лично учебниками литературы авиационного технического общества ОСАВУК.

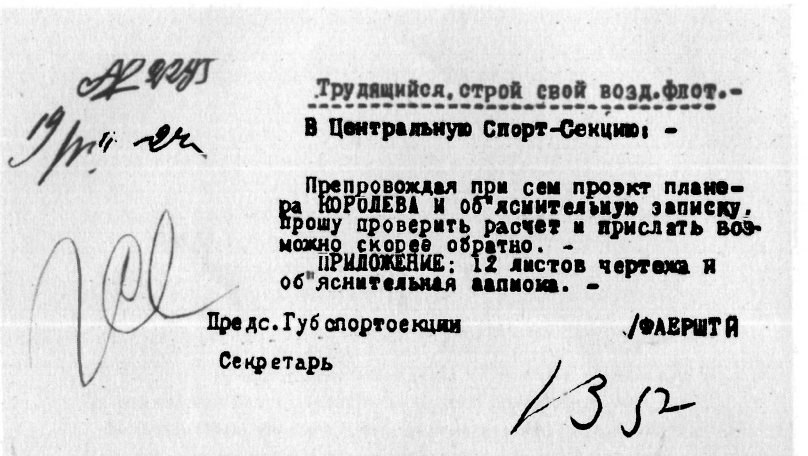
В силу вышеизложенного прошу дать возможность продолжить мое начатое образование.

При сем прилагаю документы:

1/ [illegible]
2/ Комендировку завода Работников.
3/ Анкету
4/ Удостоверение Одесского Губотдела Воздухоплавания за № 2176 от 8-го августа/копия/
5/ Удостоверение того-же Губотдела № 2140 от 5 августа.
6/ Удостоверение того-же Губотдела № [illegible]
7/ Справки о стаже отдела черемушки за № 1784 от 25 июля и № [illegible] августа 8-го.
8/ Справку Одесской строительной школы № I за № 475 от 8-го августа 192[illegible] года о [illegible] занятиях по курсу данной школы. Подлинные свидетельства об окончании будут представлены к концу августа месяца.
9/ [illegible]

АДРЕС: КИЕВ, К О С Т Е Л Ь Н А Я 6 кв. 6 Королев Сергей Павл.

Заявление Королева с просьбой принять на учебу в КПИ.



Трудящийся, строй свой возд.флот.-

В Центральную Спорт-Секцию: -

Препровождая при сем проэкт планера КОРОЛЕВА и об"ясмительную записку, прошу проверить расчет и прислать возможно скорее обратно. -

ПРИЛОЖЕНИЕ: 12 листов чертежа и об"яснительная записка. -

Предс. Губспортсекции /ФАЕРШТЕЙ

Секретарь

Сопроводительное письмо к первому проекту Сергея Королева, направленное в Центральную спортсекцию.

Воспользовавшись отъездом отчима в Москву, Сергей чертил теперь за его чертежной доской ночи напролет.

Под вечер, закончив дела на стройке, приходил Валя.

— Пошли купаться,— приглашал Сергея.— Море теплое вечером.

— Валь, я должен сегодня вычертить лонжероны.

— Я должен, я должен...— передразнил друга Валерьян.— У... американец лютый! — и подсел рядом: — Давай помогу, вдвоем скорей сделаем, и утащу я тебя купаться, как ты не брыкайся! Дай мне образец, что чертить, а то как нарисую тебе какой-нибудь шпингалет вместо лонжерона!

— Вот мой черновик в карандаше, его надо в туши сделать.— Сергей пододвинул Вале бутылочку с ярко-малиновой тушью и достал из стола небольшие белые листы плотной бумаги.

— Садись за доску, а я пока за столом поработаю,— предложил он Вале.

Сергей даже не спросил, сможет ли Валя вычертить лонжерон крыла; он знал — его друг блестяще чертит левой.

Мария Николаевна зашла позвать ужинать и остановилась, увидев Божко за чертежной доской, она наблюдала впервые, как он чертил. Замерла на минуту, разглядывая малиновые линии на чертеже. Линии получались четкие, ровные.

— Послушай! — воскликнул вдруг Валя.— У тебя же это было вычерчено? Я сам видел, как ты кончал!

— А я переделал,— объяснил Сергей,— видишь, усилил каркас крыла.

— Да...— призадумался Валя.— Все варианты, варианты. Бесконечно улучшаем. Как в хорошем конструкторском бюро!

— Валя, так это ж мой первый в жизни проект. Я его не как-нибудь должен сделать. А потом, ты же знаешь, я кое-как ничего не делаю, все с полной отдачей.

— Это уж точно,— подхватил Валерьян и весело подмигнул: — Пойдем-ка поужинаем, а то Мария Николаевна совсем заждалась.

После ужина быстро искупались в море и снова за чертежи.

Чертежи еще не были готовы, а к Сергею пришло неодолимое желание посмотреть, как будет выглядеть его планер.

Сидели втроем: Королев, Жорж Калашников и толстый Пунька Шульцман. Сергей даже не заметил сам, как уговорил Шульцмана заняться моделями планеров, Пунчик был неплохим плотником. Сергей решил не оставлять в покое и старого авиационного мастера по дереву. Поехали к Каму на стрельбищное поле. Вскоре бригада модельщиков работала вовсю. И вот пришел день. Сергей вошел утром в мастерские, собираясь, как всегда, стать к верстаку, и вдруг увидел на окне готовую модель. Пунчик, прослышав, что Королев собирается уезжать из Одессы, собрал ребят, и за вечер они закончили модель.

А вскоре были готовы модели планеров Жоржа Иванова и Василия Долганова. Обсуждали, как назвать их. Жорж, поморщив лоб, придумал для своей модели пышное имя:

— «Торредо»! — церемонно выкрикнул он, сделав жест рукой, будто запускал модель в небо.

— Зачем? — поразился Василий Долганов.— А нельзя ли что-нибудь попроще? Например, просто «Т»,— и записал, не спрашивая согласия: «Т-IV» — четверка была порядковым номером модели.

— «К-5»,— сказал Королев.

Так и записали: «К-5».

...Секретарь стройшколы Ольга Комелькова, прозванная за огненные щеки Помидорой, раздавала направления на практику. После утомительных переговоров с Пайстроем группа стажеров, в числе их Сергей Королев, получила командировку на ремонт здания Одесского медицинского института. Руководитель летних практических работ Бутми-де-Кацман, собрав стажеров, прочитал им короткий инструктаж и благословил на первый труд.

— Встретимся на крыше медина! — помахал Сергею Калашников. Валя Божко получил направление на другой объект.

Вот и кончена стройшкола, осталась только практика. Будет ли он, Сергей Королев, строителем? — Нет. Это для него давно дело решенное. Путь выбран: авиация — и ничего больше! А профессия строителя? Она пригодится. В конце концов все люди на земле в какой-то мере строители, одни больше, другие меньше, вопрос — что́ строить. Сергей Королев в свои семнадцать лет бесповоротно решил: он будет строить летательные аппараты.

8 июля 1924 года, в первый день практики, когда надо было идти ремонтировать крышу медина, Сергей Королев, встав с первым пароходным гудком, наскоро оделся во что похуже и, скользнув тихо по ступеням, так, что никто из домашних не проснулся, очутился на улице.

Миновав порт, Королев «взял курс» на Хлебную гавань, бегом пустился по набережной. Он хотел успеть до начала практики в гидроотряд.

Сергей прибежал в отряд, когда матросы только выкатывали машины из ангара. Пробираясь сквозь заросли лебеды и репейника, он услышал их «рабочий» крик: «Давай! Давай! Давай!»

Сергей по привычке встал в цепочку и подхватил лодку, которую тащила команда к морю.

Из ангара вышел Александр Алатырцев, как всегда, красивый, на все отвечающий только шутками и приятной белозубой улыбкой. Он спустился к настилам, внимательно и серьезно стал смотреть, как матросы готовят к полету его самолет. Увидал Королева.

— Сережк! А ты что здесь? Ты ведь уже без пяти минут строитель, я слышал.

— Не без пяти, а пять минут назад,— поправил Сергей.— Вчера получил свидетельство, теперь практика...

— Ну, куда теперь — строить второй русовский дворец?

— Нет, ремонтировать крышу медина.

— Только-то? А я думал...

— А вообще-то теперь в авиацию,— спокойно, как о решенном, сказал Королев.— Теперь меня от авиации не отлучить.

— Ну, ну,— одобрительно кивнул головой Алатырцев и, увидев жадные глаза Сергея, понимающе сказал: — Я бы взял тебя сегодня, но «проветриваю» первачей,— он кивнул на двоих незнакомых парней, которые, как потом узнал Сергей, прибыли в гидроотряд на практику из Ленинграда. Неоперившиеся летчики, видимо, были впервые в гидроавиации, и им не терпелось подняться в воздух.

— Мы с тобой еще полетаем, Сергей,— сказал на прощание Королеву Алатырцев.— Приходи, я тебя прокачу между вот этими двумя башнями,— Алатырцев кивнул на мельницу Вайнштейна. Высоко в небо поднимались на небольшом расстоянии друг от друга две резные четырехугольные башни. Сергей давно слышал об излюбленном трюке Алатырцева: пролететь перед посадкой между башнями старой мельницы.

...Черепичник Ефим Квитченко, командированный к стажерам Одесской биржей труда, обучал, как вязать черепицу. Серьезно к этой работе относились разве что потомственные строители — Володя Бауэр да Володя Егоров, для остальных же это было развлечением, и черепицы больше покололи, чем связали. Сергей Королев и Жорж Калашников, улучив минутку, когда черепичник Квитченко пошел обедать, спустились на край парапета и на глазах оторопевших стажеров и обеспокоенных прохожих стали делать стойки на самой кромке тонкого парапета, на высоте четвертого этажа! Для начала они делали по очереди, страхуя друг друга. Потом, осмелев, встали в стойку разом, да так и остались стоять, пока не возроптали ребята на крыше, а снизу, с земли, не послышались крики какой-то старушки:

— Сейчас же прекратите это безобразие! Прекратите!

На крышу выскочила Ляля.

— Ребята, она позвала дворника, тикаем!

Бежали полквартала и, почувствовав себя в полной безопасности, пошли не спеша.

Но вот сзади послышался быстрый топот. И троица, не оглянувшись, снова ринулась вперед. Добежав до сквера, свернули к Ольгиевской.

— Сережка, Жорка, да подождите же вы! — донеслось до них. Сергей обернулся. Их догонял «боцман с яхты «Ирэна»». У него был растерянный вид, и весь он был какой-то растрепанный, растерзанный.

— Ты знаешь, что сейчас произошло? — глядя почему-то на одного Сергея, сказал Иванов.— Нет, ты не знаешь... Знаешь, что произошло...— Он никак не мог сказать и вдруг заплакал...

— Алатырцев... разбился...

На Пересыпи на трамвайном кругу еще лежали

обломки самолета, задевшего крылом за провода и сложившего свои крылья здесь, рядом с рельсами. На скамье механик в который раз повторял свой рассказ.

— Авария случилась на высоте метров двести. Я видел, как он хотел дотянуть и не сумел... Я еще в аптеку успел его донести, вон туда, в ту аптеку... Дайте, говорю, что-нибудь. Человек убился... А что ж дать, если он уже убит...

А у Сергея, как заевшая пластинка, повторялась одна и та же фраза, сказанная на прощание еще сегодня утром Алатырцевым: «Приходи, я прокачу тебя между башнями...»

За гробом шла вся Одесса. И тогда на могиле Сергей Королев и Жорж Иванов дали клятву. Жорж красиво говорил о том, что пойдет по пути Алатырцева и займет его место. Было в этой речи много высоких слов о верности, о долге. Сергей Королев скупо проговорил:

— Дорогой наш старший товарищ, клянемся быть достойными тебя!

В один из жарких июльских дней Сергей Королев, свернув в трубку двенадцать листов чертежей, с волнением шел в свой ОАВУК. Там заседало АТО — Авиационно-техническое общество.

Королев докладывал о своем проекте. Это была уже официальная защита. Он докладывал по всем правилам технической документации. И никто не удивился — ни старейший летчик Лавров, ни опытный авиатор Боровиков, ни инженер Курисис, ни преподаватель железнодорожного техникума Селезнев, ни механик Василий Долганов — все, кто присутствовал на защите,— никто не удивился, что этот юноша, которому лишь полгода назад минуло семнадцать, представил комиссии настоящий зрелый проект.

Инженер Курисис проверил расчеты, коротко проговорил:

— Можно строить.

Лавров, задав Сергею несколько вопросов, обратился к членам АТО:

— Думаю, что летные качества у планера будут хорошие.

Председательствующий Боровиков встал и торжественно пожал руку Сергею.

— Оригинальная конструкция,— похвалил он.— Будем рекомендовать для постройки.

Фаерштейн составил бумагу, которую послали в центр на утверждение.

«Трудящийся, строй свой воздушный флот» — было напечатано сверху на бланке.

«В Центральную спортсекцию.

Препровождая при сем проект планера Королева и объяснительную записку, прошу проверить расчет и прислать возможно скорее обратно.

Приложение: 12 листов чертежей и объяснительная записка. Предс. Губспортсекции Фаерштейн».

...Обвешанный «зайцами» трамвай, скрежеща, остановился у стройшколы. Дальше рельсы обрывались: конечная остановка. Водитель с ключами в руках перешел с передней площадки вагона в хвостовую и повел трамвай в обратный путь, а Сергей опрометью бросился к школе. В два прыжка оказался на втором этаже. Прислонился к стенке, чтобы отдышаться. В другом конце длинного, в полквартала, коридора стояли рядом Валя Божко и Жорж Калашников. Сергей Королев встал на руки и на глазах изумленных учителей и учеников стройшколы не спеша пошел по всему коридору. Дойдя до конца, он вскочил на ноги и, широко улыбаясь, медленно отряхнул ладони.

— Все ясно,— засмеялся Жорж.
— Проект принят! — добавил Валя.
— Принят к постройке,— уточнил Сергей.

«Я грыз науку»

Он бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Вот хорошо, что ты пришел,— встретила его Мария Николаевна.— А я только что о тебе вспоминала. Григорий Михайлович письмо прислал, советует тебе поступать в институт.

— Ну, мамочка,— будто с упреком отозвался Сергей,— ты же знаешь: я собрался в авиацию, только в авиацию.

Мать стала убеждать Сергея, что ему надо получить высшее образование.

— Нет, в Одесский политехнический я все равно не пойду, и не уговаривайте,— наотрез отказался он.— Отделения авиации там нет — значит, мне там делать нечего.

Сергея самого мучил вопрос: стройшкола кончена, куда дальше? В летное училище он не хотел — он не собирался стать только летчиком. «Летать и строить, строить и летать». Но где можно заниматься и тем и другим? Советовался с летчиками — собирались навести справки. Говорил в ОАВУКе — обещали рекомендации.

Оставшись вдвоем с Валей, часами обсуждали, что дальше.

— А ты не торопись, Сережка,— дружески наставлял его Валя.— По-моему, перед таким жизненно важным шагом надо хоть на минуту остановиться и осмотреться...

— На минуту, пожалуйста, но не больше. Чем я буду заниматься — для меня дело решенное. Надо только найти — где? Я должен найти до начала учебного года. Я не хочу терять время. Ведь мне уже семнадцать!

— Поищи как следует,— упорно советовал Валя.— Может, есть и институт, где «в Кибальчичи» готовят, ты ведь до сих пор бредишь?

Сергей так и не понял, шутит друг или говорит серьезно.

— Где-нибудь, да есть...— задумчиво произнес он.— Может быть, в академии Жуковского?

Уступая настояниям сына, мать сама повезла бумаги в Москву — в Военно-воздушную академию имени Жуковского.

Начальник академии, одобрительно полистав бумаги, вдруг развел руками:

— Так ему ж нет восемнадцати. Он же мальчик...

Начальник академии не подозревал, что этот «мальчик» знал наперечет все марки самолетов, и не только русских, но и французских, немецких. Мог отличить профиль Жуковского от профиля Прандтля, мотор «Сальмсон» от любой другой марки мотора.

— Да...— растерялась мать,— но у него есть свой проект.

— Это хорошо... Но у нас учатся люди с опытом, прошедшие военную школу. Есть указание свыше: принимать в академию только военсостав,— ответил начальник академии матери Сергея Королева.— Я запрошу, подождите, что скажет начальство.

Надо было ждать, что скажет «начальство», а приближалась осень, а с ней и начало занятий. Мать с Григорием Михайловичем и приславший письмо из Киева дядя уговорили Сергея подать заявление в

Киевский политехнический институт, где намечалась авиационная специализация.

Он так и сделал — уехал в Киев и отнес документы на механический факультет политехнического института. Но и здесь не обошлось без хлопот: потребовали командировку и справку с места работы (в институт в те годы поступали по командировкам). Пришлось писать в Одессу. Прислали справки и рекомендации из Общества авиации и воздухоплавания. В Работпросе выдали командировку в институт, и Сергея Королева зачислили в КПИ.

А вскоре пришло письмо из Москвы, в котором сообщалось, что «начальство» ничего не имеет против зачисления С. П. Королева в состав слушателей академии.

— Поздравляю тебя, Сергей, ты принят сразу в два института! — пожал ему руку дядя Шура, Александр Николаевич Лазаренко, кончавший в тот год политехнический. Они встретились у бабушки на Некрасовской, где оба столовались.

До начала занятий оставалось несколько дней. Сергей заходил в институт в поисках «чего-нибудь авиационного». Первые справки он уже навел у дяди Шуры. Но поскольку тот увлекался не самолетами, а автомобилями, то лишь понаслышке знал, что есть-де авиационные мастерские, что работают где-то под лестницей планеристы, что всем заправляет прославившийся в гражданскую летчик Константин Яковчук.

Первое, на что наткнулся Сергей, был авиационный музей. Там стояли авиационные моторы различных марок, модели нескольких самолетов и множество стендов, рассказывающих об истории авиации. И то, что он увидел, и то, что узнал от организаторов выставки, окончательно развеяло его сомнения, правильно ли он сделал, поступив в Киевский политехнический.

Здесь, в политехническом, зародилась сначала секция воздухоплавания, потом она стала кружком и, наконец, Киевским обществом воздухоплавания — КОВ. И все годы, почти четверть века, Киевский политехнический не изменял своей приверженности воздухоплаванию. В этом институте учился старейший самолетостроитель Сикорский, построивший много самолетов и сам летавший на них. Этот одержимый авиацией конструктор вложил в постройку самолетов все свои средства. Он был душой конструкторов, и двери его ангара всегда были открыты для всех желающих работать с ним. Около него выросли такие таланты, как Карпеко, Ильницкий, Адлер. Сам он летал очень много, а в иные дни поднимался в воздух по десять раз. «Никогда не летал без задания,— отметил для себя Сергей, знакомясь с материалами о Сикорском,— то полет с анемометром, то с барографом, то с фотоаппаратом».

Начиная с 1911 года на всех международных конкурсах Сикорский получал первые призы. А в 1922 году перекрыл все иностранные достижения не только по показателям в полете, но и по конструкции самолета. И хоть Киевский политехнический он так и не окончил, диплом ему выдали за его работы.

Смелым летчиком и талантливым конструктором представлен был Александр Николаевич Свешников. Иностранные фирмы неоднократно приглашали Свешникова для консультации.

В августе 1913 года киевский летчик Петр Николаевич Нестеров совершил первую в мире «мертвую петлю». П. Н. Нестеров был очень активным пропагандистом авиации: читал лекции, совершал полеты. После перелета по маршруту Киев — Одесса — Севастополь, который был для своего времени огромным событием, Нестеров прославился своей «мертвой

петлей», за которую получил золотую медаль от Общества воздухоплавания.

Сергей Королев медленно переходил от стенда к стенду, и перед ним развертывалась история, полная драматизма и свершений.

Сергей, к своему удивлению, узнал, что конструкторы работали под пристальным взглядом киевской охранки и лично подполковника Кулябко. Много талантов выпроводило за границу еще до революции киевское охранное отделение, преследуя летчиков и конструкторов, обвиняя их в крамольных идеях, и все же КОВ — Киевское общество воздухоплавания держало свою марку высоко.

В годы первой мировой войны в мастерских политехнического института организовали ремонт самолетов. Подбитые, покоробленные машины привозили в мастерские прямо с боя. А в революцию эти же мастерские снабжали самолетами революционную армию.

Год за годом Киевский политехнический собирал вокруг себя лучшие авиационные кадры. В институт пришли преданные авиации люди — профессора Бобров, Синеутский, Делонэ, а позднее — академик Граве. Став ректором института, Викториан Флорианович Бобров всячески поддерживал авиаторов. Это он проявил инициативу создать в КПИ авиационное отделение. Королев слышал, что Бобров очень помогает планеристам, выделяет им средства, профессоров для консультации.

Где-то под лестницей работают планеристы... Сергей стал искать. Он нашел столярные мастерские под лестницей главного входа института, но они оказались пусты. Попавшийся навстречу студент объяснил, что все во дворе на сборке планеров. Пройдя по темному с кафельным холодным полом коридору, Сергей

нырнул в маленькую низкую дверь и очутился во дворе. На зеленой траве стоял всего лишь один планер, а вокруг него планеристов человек сорок. Сергей покрутился, покрутился, пытался завязать знакомства, но как-то не получилось, и он ушел огорченный и раздосадованный. В тот же день, 20 августа 1924 года, Сергей Королев написал в Одессу Фаерштейну:

«Многоуважаемый Борис Владимирович!

Напоминая Вам о Ваших словах при моем отъезде, обращаюсь к Вам с просьбой: устройте мне командировку на состязания в Феодосии. Из Киева едет большая группа, и я как новый человек настаивать на командировке из Киева не могу. Таким образом, я рискую и в этом году не увидеть состязаний, посещение которых дало бы мне очень много, и я с бо́льшим успехом мог бы работать в области авиации и планеризма. Надеюсь, что Одесский губотдел ОАВУК сочтет возможным и нужным отправить меня на состязания, помня мою прежнюю работу по руководству планерными кружками...»

Сергей приложил марки и отправил. В конце письма была приписка: «Интересно, какова судьба моего проекта и чертежей?»

В последних числах августа Сергей получил подписанный Фаерштейном ответ:

«Тов. Королеву.

Относительно командировки на Всесоюзные состязания имеется определенное положение, в силу которого для участия в состязаниях избираются правлением ОАВУК тт., имеющиеся налицо при губспортсекции.

У нас такие выборы уже произведены, и часть участников уже выехала в Феодосию. Остальные отправляются 30 августа.

Все места, предоставленные Одесской губспортсекции, заняты, средств на дополнительные командировки не отпускается, а потому просьба ваша, к сожалению, исполнена быть не может.

Председатель губспортсекции,
член правления Одесского губотдела ОАВУК
Фаерштейн

23/25 августа 1924 г., гор. Одесса
№ 2362».

Формально все правильно. Сергея огорчил не столько отказ, сколько тон, казенный, холодный.

Сергей старался забыть об этом, целиком уйдя в учебу.

В большой физической собирались потоки студентов, человек по четыреста — пятьсот. Сергей любил эту аудиторию, здесь как-то все на виду, весь курс в сборе.

Техническую механику читал Илья Яковлевич Штаерман, заведующий кафедрой и кабинетом механики. Плотный, лысый, широкой планкой усы, пристальные глаза.

Штаерман... Знаменитый Штаерман! Он влетал в аудиторию, будто на крыльях. И сейчас же к доске. Студент не успевает взять в руки карандаш, а он уже столько наговорит... Студентам трудно было поспевать за таким бешеным темпом. Но это был темп жизни, и поспевать надо было.

Если забыть про Штаермана и невзначай обернуться назад, можно подумать, попал в революционную армию: кругом шинели, буденовки, кожанки, еще не снятые после гражданской. Но про Штаермана забывать нельзя, а то он и сам о себе напомнит.

— Молодой человек! Вот вы... вы, в белой рубашке,— показывает он на Королева,— берите-ка мел и помогайте мне. Попробуйте рассчитать ускорение.

Штаерман заставляет находить самим решения, а не заучивать готовые формулы.

Сергей пишет несколько уравнений, задумывается. Звонок. Профессор выходит в коридор. А у доски разгорается дискуссия. Ищут, как лучше и быстрее рассчитать ускорение.

— Саша! Иди сюда! — подзывает Королев своего приятеля.

Высокий, спортивно-подтянутый Александр Сухоруков берет в руки мел и уверенно, методично начинает писать одно уравнение за другим. При этом он объясняет, подражая Штаерману. А тот, незамеченный, сидит в кресле против двери, наблюдает.

— Спасибо! Очень хорошо объяснили! Очень толково,— подходит он к Сухорукову и пожимает ему руку.

В перерывах в коридоре устраивали разминку.

Студент, а в прошлом машинист Федор Федорович Васьковский, сорокапятилетний человек, в перерыве становился совсем мальчишкой и устраивал в коридоре невообразимую толкотню.

Сергей с интересом вглядывается в него. Усищи здоровенные, седые. Всегда в галифе и куртке солдатского сукна. Еще в 1906 году, когда Сергей только родился, Федор Васьковский участвовал в вооруженном восстании в Харбине и находился потом под надзором полиции. При Петлюре был арестован. В гражданскую водил бронепоезд «Интернационал».

На курсе, где учился Сергей Королев, мало кто не прошел гражданскую. А кто не воевал — стоял у станка или пахал землю. От сохи и станка пришли они в рабфак, потом — в институт.

...Тесная лаборатория электротехники. На столах несколько электрических приборов. По углам расставлены машины трехфазного тока образца 1912—1913 годов. Учиться было трудно. После первой мировой войны оборудование не менялось. А все, что было новейшего в институте, в гражданскую войну вывезли интервенты и деникинцы.

Электротехнику читал Скоморохов, а лабораторные занятия вел Огиевский, один из старейших работников советской радиотехники, строивший в тот год первую на Украине и третью в Советском Союзе радиовещательную станцию.

Сергей слышал рассказы студентов о том, что Огиевский встречался с Лениным, был с ним на одном заседании и даже разговаривал. Однажды один дотошный студент на занятии спросил:

— Товарищ Огиевский, а правда, вы Ленина видели?

— Правда,— спокойно ответил Огиевский.— А вы, товарищ Красовский, идите-ка к доске и решите вот эту задачу,— вызвал он дотошного.

Красовский неуверенно вывел «π», потом почему-то стал делить его пополам...

Огиевский покручивает усы, поправляет галстук и явно нервничает. Наконец он не выдерживает и останавливает студента:

— Неужели для того, чтобы от яблока отнять поляблока, надо приводить к общему знаменателю?

— Ну, товарищ Огиевский! — с укоризной отвечает студент.— Вы учтите, что я в семнадцать лет написать своей фамилии не мог...

Лекции часто переходили в семинары, в живой разговор, а то и спор профессора со студентами. Сергей Королев садился в первом ряду — он любил задавать вопросы. Он и Александр Сухоруков считались глав-

ными «экзаменаторами» любого профессора, они были в числе наиболее подготовленных.

Но сам Сергей чувствовал, как мало знает и как много надо еще узнать.

«Я бил себя по лбу,— учись, дурак, без науки ничего не сделать в жизни,— вспоминал много лет спустя Королев.— И я грыз науку...»

Семинар по высшей математике вел Лев Яковлевич Штрум. Читал он медленно, часто сидя. Каждое слово ложилось в голову, как формула. Штрум был физик, занимался строением атома, написал в те годы научные работы «Равновесие между материей и излучением», «Условия устойчивости атомного ядра», «Строение атома» и другие. Но в своих работах ученый неизменно обращался к математике. Он был ее апологетом. И часто повторял студентам:

«Вы можете исследовать что угодно — от движения вашей руки до строения атома — с помощью математики. Есть одна наука — математика».

И Сергей вспомнил, что он читал когда-то у Дерибаса: «Математика — это поэзия... А высшая математика — высшая поэзия!»

Бесконечные функции — однозначные, многозначные. Уравнения координатных осей. Преобразование координат. Дифференциалы... Нелегко давалась эта «высшая поэзия». И все же, когда подошло время сдавать зачет, Штрум отобрал у нескольких студентов зачетные книжки и поставил зачет, не спрашивая.

А в отчете написал так:

«Проверка знаний производилась главным образом непосредственно, в процессе самих занятий, постоянно... Часть слушателей, наиболее активные, получили зачет без опроса».

В их числе был Сергей Королев.

Вернулись с состязаний планеристы, привезли

печальную весть: разбился Клементьев. Сергей переживал это вместе со всеми, он даже не решился сразу расспросить про планеристов КПИ, да и про своих друзей-одесситов. И только спустя несколько дней узнал, что Константин Арцеулов успешно летал на планере «Икар», построенном в Одессе коллективно.

В тот же день сел писать письмо. Хотел черкнуть в ОАВУК, как-то не получилось. И написал другу Вале Божко. Вложил и свою фотографию, снятую во дворе КПИ институтским фотографом, на которой сделал надпись: «Дорогому другу Вале на память от Сережи Королева». Поставил дату «4.X.24 г.» Подумал и приписал: «Помнишь наши разговоры в Одессе?»

А разговоров было много. Сергей, уехав от родных и друзей, впервые оставшись один, подолгу перебирал в памяти эти одесские разговоры с другом юности. О дружбе. О Родине. О будущем... Какое оно будет?..

«Валя... Валя... Самый близкий друг. Гроза всех одесских хулиганов, прославленный своим ударом левой. Политик и философ, «революционер стройшколы» и прораб Одессы. Поверенный всех моих дел и мечтаний. Ты один поверил, что когда-нибудь я взлечу высоко-высоко. Я уже сделал шаг к этому. Вот теперь я студент КПИ. И профессор Делонэ читает лекцию «Ограниченность и бесконечность Вселенной». Если она бесконечна — бесконечны и открытия в ней! Помнишь наши разговоры в Одессе, Валя?..»

В воскресенье пятого октября Сергей получил приглашение, от которого трудно было отказаться: присутствовать на торжественной закладке ангара. К одиннадцати утра на аэродроме народу собралось видимо-невидимо. Начались доклады об истории авиации. Местный ОАВУК проводил свою работу.

Кончились речи, начались агитационные полеты над городом на самолетах «Дорнье-Комета». Сергей

выбирался из толпы, как вдруг увидел... Кого бы вы думали? Савчука! Да, да, Ивана Савчука, одесского летчика-наблюдателя и известного насмешника. Оба растерялись от неожиданности. «Ты как здесь?» «А ты как здесь?!» «Вот так встреча!» «Бывает же!..» «Мир тесен!»

Иван Савчук не поехал в Севастополь, когда Одесский гидроотряд перевели туда, а написал рапорт и подался в Киев.

— Живу теперь здесь,— рассказывал Иван,— в авиагородке.

— Совсем рядом от политехнического! Как же мы с тобой до сих пор не встретились?!

— Пошли к нам! — позвал Савчук.

Они поднялись на холм, миновали переезд, и вот уже Сергей услышал знакомое урчание моторов.

Дорогой Сергей посматривал на Савчука: за несколько месяцев, что они не виделись, он как будто бы стал старше, посерьезнел.

— Учиться задумал я...

— Давай к нам в КПИ. Подготовиться я помогу...

— Посмотрим.

Поселок летчиков жил своей обычной жизнью. Засветло, когда Киев еще спал, здесь начинались полеты. И вечером, когда садилось солнце, зеленые птицы, легкие, словно стрекозы, снова кружили в небе. Стрекот моторов заменял жителям поселка и часы, и барометр.

Дома стояли одинаковые, будто нарисованные,— белые, трехэтажные. Сразу же за ними начиналось поле аэродрома.

У края насыпи Савчук остановился, приставил руку козырьком к глазам и смотрел, как петлял на горизонте самолет.

— Лешка летает!

А пока поднимались к нему на второй этаж, успел рассказать про своего нового друга Алексея Павлова, лихача в воздухе, но серьезного человека на земле:

— Авиетку мудрует, вы с ним сойдетесь.

В понедельник на лекции в политехнический институт Сергей Королев пришел в сопровождении двух летчиков. На них мало кто обратил внимание: народу было всякого предостаточно, и две коричневые летные куртки остались незамеченными. Приятели Сергея по курсу — Александр Сухоруков и Михаил Пузанов — приняли летчиков в свою компанию, и теперь они сидели на лекциях впятером. Так и прижились на курсе два летчика-вольнослушателя Савчук и Павлов. Теперь и к семинарам готовились вместе. «Вместо заданных десяти задач решать по пятьдесят»,— настаивал Сергей. И друзья решали.

Королеву шел восемнадцатый год, но как-то незаметно среди людей, старших его по возрасту лет на семь, на восемь, он занял положение человека, который задавал тон, с которым считались.

Вот он предложил распределить предметы между собой — и все согласились. Талантливый в математике Михаил Пузанов отвечал за математику и электротехнику, Иван Савчук — за «начерталку» и детали машин, Алексей Павлов — за историю классовой борьбы, а Сергей — как самый подготовленный — за сопромат и механику. Готовили рефераты, докладывали их товарищам.

Триместр все окончили успешно. Сдав последний зачет, медленно прошли через институтский парк, спустились по крутому склону к шоссе.

— Куда пропал Алексей? — забеспокоился Иван Савчук.— Как сквозь землю провалился...

Подождали минут десять.

— Ребят, пошли... Меня ученик ждет,— взмолился Пузанов.

— Ах, простите, я и забыл: знаменитый математик опаздывает на лекцию! — съязвил Савчук.

А Михаил Пузанов действительно опаздывал: он репетиторствовал с командиром авиаотряда Моляренко. А тот не терпел нарушений дисциплины.

Сергей придумал:

— Постойте! — он вырвал из тетради лист и крупно написал: «Мы идем к себе в городок!» Пририсовав стрелу, добавил: «Догоняй!» Проколол листок веткой и повесил на дереве.

Поднимались по насыпи к железной дороге. Иван Савчук то и дело оглядывался, не догоняет ли Алексей. За насыпью послышался треск мотора. Все ближе, все оглушительней — самолет шел им навстречу. Савчук насторожился:

— Это Лешка! Ей-богу, Лешка! Мы его ждем, а он уже в небе!

Из-за насыпи появился самолет: крохотный, зеленый. Иван Савчук взбежал на полотно и помахал пилоту. А тот давно уже заметил его и улыбался. Даже с земли было видно, как сверкали его белые зубы. Самолет кружил. И вдруг пошел вниз, как на таран! Савчук пустился бежать по полотну. Самолет за ним. Только у самой земли, пролетев в двух метрах над головой Савчука, Алексей Павлов выровнял машину и, чуть поднявшись, снова погнался за другом. Так и гонял он Ивана по полотну, пока тот, опомнившись, не скатился с насыпи и не лег в траву.

— Ну и бестия! Ну и бес...— добродушно смеялся Савчук.

Когда друзья подошли к дому Савчука, Алексей Павлов стоял на пороге, будто и не он летал.

На площадке друзья разошлись. Михаил Пузанов

постучал в дверь налево — в квартиру Моляренко, а остальные вошли к Савчуку.

— Приходи, Миш, поговорим об авиетке,— позвал Пузанова Павлов.

— Кончу занятия, приду,— важно ответил Пузанов.

Алексей Павлов проектировал авиетку, и теперь часто, собравшись у Савчука, друзья обсуждали его проект. Споры начинались с мелочей. Алексей доставал свои эскизы. Сергей смотрел, качал головой.

— Не пройдет...

Алексей взрывался:

— То есть как не пройдет?!

— Не пройдет,— невозмутимо качал головой Сергей.

Спорили до хрипоты. Доставали справочники, таблицы. И когда летчик совсем изнемогал, он просил Савчука:

— И-ва-а-н, будь другом, сходи за Пузановым...

Савчук шел к соседу-начальнику отбирать у него «профессора математики».

Михаил Пузанов разнимал спорщиков. А чтобы «эти два горячих» успокоились, обычно рассказывал какую-нибудь историю.

— Помню, как-то к нам в мастерские приехал сам великий князь из дома Романовых.— Пузанов до революции работал в авиационных мастерских КПИ.— Руководитель мастерских Касьяненко водил его ни жив ни мертв. А я был мальчишка, чего мне бояться: стою у станка и обтачиваю тендера. Подошел ко мне великий князь, спросил, что я делаю. Показываю ему тендера... Я был неплохим токарем по металлу. Похвалил меня князь. Так Касьяненко потом битый час не отходил от меня: «Шо он тэбэ казал да шо он тэбэ казал»...

— Так шо он тэбэ казал? — кивнул на Королева Михаил.— «Не пройдет?»

Пузанову не надо было заглядывать в справочники — профили крыла и их размеры он знал наизусть. Он что-то быстро подсчитал на бумаге.

— А ты знаешь, Леш,— не пройдет.

Павлов мгновенно скисал не от того, что крыло не пройдет, а что Сергей — мальчишка против него — каким-то чутьем находит малейшую погрешность.

— А ты не пыжись,— дернул его за рукав Михаил.— Это не пройдет, так найдем другое крыло...

Садились и все вместе находили нужное.

Сергей не переставал удивляться изобретательности друзей. Они, конечно, были опытные летчики, великолепно чувствующие конструкцию. Михаил Пузанов не был летчиком, но интуиции этого человека мог позавидовать любой из четверки. И не только интуиции. Сергей все хотел понять, как это бывший токарь, кончивший всего-то ремесленное училище, так скоро овладел высшей математикой? Королев не мог забыть Красовского, который «написать своей фамилии не мог», а теперь вел вычисления с помощью интегралов.

И как-то он расспросил Пузанова о его жизни.

...В 1919 году Михаил работал токарем на литейно-механическом заводе. Наступал в то время на Киев Деникин. Записался Пузанов добровольцем в рабочий отряд.

— Собрали нас в казармы и начали обучать военному делу,— рассказывал Михаил.— Только проучились мы недолго — всего три дня. Пришел приказ — «Выступать на Зеленого». Под Киевом в селе Триполье хозяйничал атаман Даниил Терпило, по кличке Зеленый. Надо было срочно ликвидировать банду.

Выступили сразу несколько отрядов — Киевская городская конференция комсомола в полном составе,

интернациональный батальон, несколько красных отрядов. И наш рабочий батальон.

Вышли мы в поход вечером. По тяжелой песчаной дороге отмахали несколько десятков километров пешком. Я шел в старой солдатской шинели, на ногах обмотки и ботинки, в руках винтовка японского образца. Ночь провел без сна. Наш батальон вошел в Обухов, и меня с товарищами поставили в дозор. Мы сидели в кювете, как вдруг открылась стрельба. С одной стороны — «зеленые», с другой — Красная Армия. А мы между ними.

С боем взяли село Красное на пути к Триполью. Впереди шли комсомольцы и бойцы интернационального батальона. Местность на подступах к Триполью тяжелая: горы, кручи Днепра.

Долго не могли взять мост, с которого поливал пулемет. Но нескольким комсомольцам удалось обойти его с тыла. И вскоре Триполье было наше.

Нас разместили в школе. Я забился под парту и после бессонной ночи крепко уснул.

На заре батальон подняли по тревоге. Шестерых, в том числе и меня, отправили на мельницу, где стоял пулемет. Мне поручили корректировать артиллерийскую стрельбу.

Старая мельница стояла на вершине трипольских гор, и с нее был хороший обзор. Я видел, как отчаянно дрались комсомольцы. Но наших было меньше, и «зеленые» вскоре прижали нас к кручам Днепра.

Михаил помолчал, заново переживая все.

— Представляешь, что там было?..

...За обедом у бабушки Сергей был мрачен.

Отобедав, он не поехал вечером, как обычно, к дяде Юре, у которого жил, а направился в общежитие студентов, на Боговутьивскую.

Он уже подумывал о том, чтобы съехать с квар-

тиры и жить самостоятельно. Написал об этом матери. И предпринял первые шаги. «Встаю рано утром,— писал он Марии Николаевне,— часов в пять, и бегу в редакцию, забираю газеты, а потом бегу на Соломенку, разношу. Так вот зарабатываю восемь карбованцев. И думаю даже снять угол...»

Порвались ботинки. Сергей зашивал, зашивал их дратвой и в конце концов плюнул, пошел на пристань, поработал грузчиком, потаскал мешки с сахаром и купил себе новые белые брезентовые ботинки.

Друзья к тому времени нашли еще приработок. Все лето 1925 года, в каникулы, ремонтировали крыши. И когда уже стали почти «капиталистами», один из студентов предложил Сергею:

— Хочешь в киноартисты?

— Да ты что?! — отмахнулся Королев.

— Верное дело. Вчера в институте какой-то человек был, в «Трипольскую трагедию» солдат набирает...

— Куда? Куда? — переспросил удивленный Сергей.

— В «Трипольскую трагедию», фильм такой снимают, недалеко под Киевом.

И тут Сергей, не говоря ни слова, исчез. Не появился он на ремонте крыш и на следующий день, и через неделю.

В Триполье шли съемки. Сергей Королев, навертев на ноги портянки, надев шинель и солдатский шлем, шагал пыльной песчаной дорогой с отрядом добровольцев, полный решимости разгромить «банду Зеленого»... На рассвете, завидев белые хаты, он ложился и полз. А потом, прижавшись к пыльной трипольской земле, стрелял, стрелял, стрелял...

В штыковой атаке он так реально видел себя Пузановым, что часто бил прикладом всерьез, и другие

статисты жаловались режиссеру Анощенко: «Королев дерется по правде!»

Ночью снимали сцену в сарае: запертые добровольцы ждут приговора. Съемочная группа, утомившись, так и улеглась в сарае.

Пахло сеном. Ветер доносил свежесть с Днепра.

Сергею долго не спалось. «Что же будет завтра?» — думал он.

Рано утром на рассвете оператор Лемке поднял всех, как по тревоге, и увел на самую вершину Трипольских гор, к крутому обрыву Днепра. Там режиссер Анощенко пытался внушить:

— Поймите одно: вы идете сейчас на расстрел!

И Королев пошел.

У края обрыва режиссер остановил его и спросил:

— Плавать умеешь?

— Угу.

— Сейчас будем пробовать.

Спустились по крутому обрыву к Днепру. Ширь такая, что берега не видать...

Отобрав тех, кто хорошо плавает, начали съемку.

Сергей лежал вниз лицом в белой рубахе, парусом надувшейся на спине, и не шевелился. Он снимался в роли убитого.

Стали пробовать новый эпизод. Снимали трагическую сцену: бандиты вязали проволокой комсомольцев и бросали с крутого обрыва в Днепр. Сергей стоял и ждал своей очереди. И вдруг, поломав все режиссерские планы, он вырвался из толпы, подбежал к краю и прыгнул с обрыва. Анощенко испугался, но, спохватившись, заорал:

— Лемке, что же ты не снимаешь! Это же кадр!

Режиссер знал, что снять это было невозможно, но не удержался от возгласа.

Главные герои фильма подходили к обрыву, в них стреляли. А прыгал в Днепр за них Сергей Королев.

Когда Михаил Пузанов, узнав, что Королев снимается в фильме «Трипольская трагедия», захотел досказать ему конец, Сергей остановил его:

— Не надо, я все знаю...

Под пулями бандитов Зеленого умирали мальчишки, которым в ту пору, как и Сергею Королеву, шел девятнадцатый год. Это было в 1919 году. А в 1925 — «трипольскую трагедию» заново пережил Сергей Королев.

Оставшийся конец каникул Сергей работал в столярных авиационных мастерских. Он пришел туда, когда подготовка к очередным Всесоюзным планерным состязаниям была в разгаре.

Мастерские все так же помещались под лестницей главного входа института. Сергей вошел, и первое, что поразило: в этом полуподвале было много света. Пахло деревом, остро, свежо, как пахнет весною лес. Пол завален деревянной стружкой. На гвоздях, вбитых прямо в стены, висят лекала, пилы и всякий другой инструмент. Скрестив «ноги», стоят верстаки. За одним верстаком работают сразу четверо — студенты в длинных сурового полотна рубахах и кепках, надвинутых почти на лоб (кепки — чтоб волосы не лезли на глаза).

— Ж-уть, ж-уть, ж-уть,— дружно выговаривают четыре рубанка.

Один внезапно смолк. Глаза из-под козырька стрельнули в Сергея.

— Вставай, будешь пятым,— кивнул на свободный рубанок студент в толстовке.

Сергей тотчас встал к верстаку. Он безропотно выполнял любую работу: строгал нервюры, вырезал лонжероны, выпиливал заготовки на токарном станке. Еще в Одессе, в строительной школе, старый Вави-

зель, а потом в Обществе авиации краснодеревщик Кам научили его обрабатывать дерево.

И вот теперь, в мастерских КПИ, еще один мастер встретился Королеву — краснодеревщик Венярский. Сергей слышал о нем фантастические вещи: он делал гребные винты для самолетных моторов из дерева. Никто не делал, а Венярский выпиливал. И так точно чувствовал аэродинамическую форму, что винты получались будто литыми.

В авиационных мастерских КПИ этот мастер работал с дореволюционных времен. Первое время после революции мастерские не работали, и Венярского оформили столяром по ремонту чертежных досок и мебели. Примостившись в уголочке под лестницей, он стучал своим молоточком. Тут его и нашел конструктор Киевского авиационного завода Петров, читавший тогда в КПИ теорию гребного винта.

— И такие руки чинят табуретки?! — возмутился Петров и увел Венярского в авиационные мастерские, которые тогда уже восстанавливались.

Венярский работал в черной суконной куртке, а когда становилось жарко, снимал ее и оставался в одной нижней белой рубахе, распахнутой до середины груди. Он был худ, изящен и, если бы не пышные русые усы и глубокие морщины поперек высокого гладкого лба, мог бы сойти за студента.

Королев жадно учился всему. Мастер заметил внимательные королевские глаза и однажды позвал:

— Поди, помоги мне.

Сергей подавал ему планки, которые мастер набивал на каркас планера, и слушал, чем хорош ясень или сосна и куда какое дерево идет лучше. Венярский показывал Сергею, как найти в целом куске дерева скрытую трещину, рассказывал, как сделать дерево летучим.

Несколько раз на дню в мастерскую забегал суровый, хмурый на вид человек. Две угрюмые складки у рта делали его лицо вечно недовольным. Он быстро просматривал эскизы, давал какие-то замечания и так же быстро, как появлялся, исчезал. Сергей узнал, что это студент Константин Яковчук. Он был дипломник, как и все конструкторы планеров, но что-то выделяло его и давало право держаться так властно.

Близились состязания. Авторами проектов были студенты-дипломники Константин Яковчук, Николай Железников, Владимир Савинский, Степан Карацуба, Дмитрий Томашевич. Это была сильная пятерка конструкторов в Киевском политехническом институте. Она участвовала в тот год в работе над первым пассажирским самолетом. И на планерных состязаниях выступала не впервые.

Сергей работал сборщиком в производственной бригаде Николая Скрыжинского. Сборку вели во дворе института. Подняв остриями вверх лонжероны, шестеро держали каркас крыла, а кто-нибудь один сверлил дрелью отверстие. Подгоняли «башмаки» к крылу «КПИ-1-бис». Это был уже второй по счету планер, который собирала бригада.

Вместе с Венярским, обшивая планер фанерой, Сергей заметил, что тот брал планки разных толщин. Вначале по два с половиной миллиметра, потом по два, а дальше все тоньше и тоньше. Сокращали вес планера.

Так мало-помалу набирались конструкторские навыки. Пополнялся и багаж теории. Зачастую в мастерские приходили профессора института и консультировали студентов в области аэродинамики, теории полета. Бывал сам Бобров, читал лекции об авиационных моторах, из истории авиационной техники. Консультировал частенько старый Делонэ, весь белый, как снег, борода, усы, брови, виски и такой же белый легкий

костюм. Делонэ был француз по происхождению, но французского в нем осталось разве что темперамент.

Николай Борисович Делонэ блестяще окончил Московский университет, был одним из любимых учеников Н. Е. Жуковского.

Узнав от Жуковского о полетах Отто Лилиенталя на планерах, Делонэ сам стал строить модели планеров. Он приехал в Киев и вместе с сыновьями на окраине города запускал в небо свои первые планеры. Это было в самом начале века. А спустя два десятилетия консультировал таких, как Сергей Королев. Сергей слушал лекции Делонэ. Читал он увлекательно, на вопросы отвечал неожиданно, никогда не теряясь.

С каждым днем напряжение в работе нарастало. Сергей помогал Карацубе, проверявшему сборку учебного планера. Был этот планер без фюзеляжа, на редкость ажурный. На силовой раме сплошные переплетения ферм: жесткое кресло из ясеня будто поставлено в замысловатую клетку. Марку планера написать было негде, и Венярский выпилил ее прямо в спинке кресла — «КПИ-3».

Когда планер поставили во дворе института, Сергей осторожно забрался в кресло, потрогал рули управления, примерился.

— Ну, как, полетим? — спросил он конструктора Карацубу.

— Полетим-то полетим... Наверное, только в Феодосии,— вздохнув, ответил Карацуба.— Затянули, видишь, со сборкой до самых состязаний.

— Возьмет он меня на третьи состязания? — кивнул Сергей на мрачно курившего неподалеку Яковчука.

— Спроси...

Сергей вылез из кресла и пошел к Яковчуку. Выслушав просьбу Королева, тот вскипел:

— Ты у меня работал?!.. Вот Томашевич работал. Скрыжинский работал. Железников работал. А ты... Без году неделю я тебя тут вижу...

И не взял.

— Ты не обижайся на него,— успокаивал Степан Карацуба.— Он со всеми так: считает, что надо много потрудиться, прежде чем сесть в самолет.

Проверяя стяжки на раме планера, Карацуба рассказал Сергею о Яковчуке. В гражданскую он воевал на истребителе. Однажды в журнале «Авиация и воздухоплавание» прочитал о себе, как о погибшем смертью храбрых. А случилось это так. В бою Яковчук был подбит и упал с высоты, сломал два ребра и ногу. Валялся больше суток в канаве. Нашли. Долго лежал в госпитале без сознания, а его уже записали в списки погибших.

Едва оправился, встал на костыли, пошел в штаб армии. Встретил там знакомых летчиков. Сидели, разговаривали. Вдруг вошел Фрунзе.

— Товарищи летчики, кто пойдет ко мне в четвертую армию?

— Я пойду,— сказал Яковчук.

— Как же вы пойдете, вы ж на костылях? — с удивлением посмотрел на него Фрунзе.

— А у меня левая нога сломана — правой работать буду.

Так-таки добился, посадили его в самолет. Тогда каждый летчик был на счету.

После окончания гражданской с орденом Боевого Красного Знамени Яковчук вернулся в Киев, стал испытывать самолеты на заводе «Ремвоздух-6», поступил учиться в КПИ. И вскоре вновь встретился с Фрунзе. Михаил Васильевич приехал в Киев в связи с созданием Общества авиации.

В Киевском горкоме партии состоялось совещание, в котором приняли участие Фрунзе, Постышев, Гамарник, Якир, Лаврентий и несколько лучших летчиков. Докладывал Фрунзе. Он рекомендовал устроить выставку и организовать агитполеты. Нужно было сделать так, чтобы народ поверил в авиацию. Решили провести агитполет в самом городе. Взялся за него Константин Яковчук. Выбрал площадку в Пролетарском саду, на самом верху холма пятачок,— сорок метров в длину и восемь в ширину. При обсуждении этого полета многие летчики считали его невыполнимым. Большинство из них прямо заявило: «Это будет не агитполет, а самоубийство». Тогда Яковчук предложил условие: десять полетов с такой же площадки на аэродроме, и, если хоть один неудачный, он сам отказывается от полета. И все десять раз он взлетел безупречно. Полет разрешили.

Народ запрудил все дорожки Пролетарского сада, Владимирскую горку, Крещатик и ближайшие улицы. Два механика на вершине холма держали самолет за крылья. Сорок метров впереди, по четыре метра в стороны. Впереди балюстрада, обрыв высотой пятьдесят метров. Яковчук запустил мотор, поднял руку — механики отпустили крылья. И он взлетел.

— После этого полета народ вносил взносы на авиацию, не раздумывая,— закончил свой рассказ Карацуба.

— Когда это было? — спросил Сергей.

— Девятого июля тысяча девятьсот двадцать третьего года,— ответил Карацуба.— Я был на этом полете...

Сергей отложил инструмент, встал и подошел к Яковчуку. Молча пожал руку ничего не понимавшему летчику.

Вскоре Сергей купил себе такую же серую рубашку

в белесую крапинку, как у Яковчука, и черные брюки под ремень. «Под Яковчука» одевались многие.

Однажды, когда Сергей сидел на траве, отдыхая от полуденной жары, пионеры, очень бойкий народ, вели обшивку элеронов крыла. Он смотрел, как девочка с коротко остриженными волосами, сдвинув брови и щуря от солнца глаза, тонкими пальцами осторожно прокалывала перкаль иглой, а рядом с ней мальчишка в картузе никак не мог вдеть нитку в иглу. Он мусолил, мусолил конец и опять не попадал в ушко. А девочка видела это, но продолжала шить усердно, насупясь. Сергея всего разрывало от смеха. Он уже готов был подойти, помочь, как вдруг заметил — из низкой двери института во двор вышли пятеро: академик Граве, профессора Штаерман, Делонэ, Синеутский и ректор Бобров.

Все поняли, предстоит нечто значительное. Комиссия? Нет, парад! Было и в самом деле что-то вроде парада. Все четыре планера поставили перед главным входом института. Выстроились работавшие над их созданием. Тут как тут и фотограф. Планеры провожали на соревнования.

На следующий день снова их разобрали, упаковали в ящики и отправили на станцию. Учебный должен был участвовать в соревнованиях в Феодосии, а «КПИ-4» и «КПИ-1-бис» — сначала в Германии, на ронских состязаниях, а уже потом в феодосийских.

Начальник погрузки на железнодорожной станции долго не мог понять, что это за надпись — «планер».

— Самолет — знаю. Планер? Нет, не знаю.— И наотрез отказался принять груз.

Пришлось планеристам переделывать надпись. Написали просто «груз в ящиках» — прошло.

Уехали конструкторы планеров, уехала группа студентов учиться летать на планерах, а Сергею и в этот

раз не повезло. Но он следил за результатами состязаний, часто заходил в авиационное научно-техническое общество. Касьяненко, возглавлявший Киевское общество авиации, показал Сергею немецкую газету.

— Читай, что пишут о ронских состязаниях сами немцы!

Развернув «Франкфуртскую газету», Сергей перевел:

«Лишь российские планеристы в этом году внесли оживление в соревнования. Они показали, что можно парить, а не только планировать».

— А как Яковчук? — нетерпеливо спросил Сергей.

— Побил все рекорды,— улыбаясь, ответил Касьяненко.— Шульц, Мартенс, Гофф, Штраме — цвет немецких планеристов — все позади! Представляешь?! «Геноссе Яковчук один летает»,— так сказали немцы.— Правда, чуть не погиб...

Сергей посмотрел на Касьяненко, а тот продолжал:

— Еще десять минут полета — и отвалилось бы крыло. Кто-то в четырех местах рассоединил контровку...

Сергей знал, что из Германии Яковчук отправится в Коктебель на третьи Всесоюзные планерные состязания. Что-то принесут они?

А в Коктебеле авторитетная комиссия — Ветчинкин, Проскура, Делонэ,— осмотрев киевские планеры, забраковала «КПИ-1-бис», на котором должен был летать Яковчук, не допустила планер к полетам.

— Ваш планер неуправляем,— сказали Яковчуку на комиссии.

— Что вы считаете надо сделать? — спросил он членов комиссии.

— Жесткую стабилизацию,— ответил Ветчинкин.

Константин Яковчук разобрал систему управления и нашел: не соответствовали рычаги поперечной управ-

ляемости по отношению к продольной устойчивости. Нашел и исправил. На другой день выставил планер комиссии.

— Что вы сделали?

— Жесткую стабилизацию.

— Так быстро?

— А у меня студенты — народ оперативный.

Комиссия не поверила и не разрешила Яковчуку летать.

— Где ваша территория? — спросил тогда Яковчук членов комиссии. Те не сразу поняли.— Ну, где кончается территория, отведенная для соревнований?

— Вот там, за горой Клементьева.

Яковчук оттащил свой планер на дальнюю гору и взлетел. Он парил в небе до вечера. Уже стемнело, а он все делал свою излюбленную «восьмерку». Чтобы посадить его, зажгли костры. 9 часов 35 минут, 15 секунд летал Яковчук, установив всесоюзный рекорд продолжительности. И получил приз — бюст Ленина с надписью «Первый приз СССР. Герою безмоторного полета»...

Тогда же на горе Клементьева Арцеулов на планере «КПИ-4» установил рекорд высоты полета (340 метров!), а Юмашев (тогда киевский военный летчик) на планере «Ю-1» побил рекорд дальности полета — 4,8 километра. Один из первых советских летчиков, В. М. Вишнев, писал по этому поводу:

«На III Всесоюзных планерных состязаниях в Крыму на планерах КПИ поставлено наибольшее количество рекордных полетов. Своей продуманностью, чистотой обработки и простотой сборки они не имеют себе равных среди советских планеров».

Сергей нетерпеливо ждал возвращения группы. А в октябре, когда она вернулась, ахнул. В ящиках студенты привезли обломки планеров.

— Вот теперь верно, «груз в ящиках»,— мрачно шутил Степан Карацуба.

— Что же случилось? — выбирая из ящика обломки, спросил Королев Степана.

Когда планеры КПИ уже стояли в полотняной палатке, разразился ураган.

Сели в машины — и к горе Клементьева. Карабкаясь по камням, торопились к своим планерам. А когда поднялись на вершину, командир приказал:

— Спасать немецкие планеры!

Киевляне, ругая немцев на чем свет стоит, тем не менее выполняли распоряжение начальства. Они укрепляли немецкие планеры, а на глазах у них ураган бил в щепки их собственные. Только потом планеристы узнали, почему было дано такое указание: немцы застраховали свои планеры на огромную сумму, и побей их ураган — пришлось бы нашей стране расплачиваться за них золотом.

Сергей бродил по Киеву, вновь и вновь переживая происшедшее, и незаметно пришел к новому каменному мосту через Днепр, который так и называли «патоновский» — по имени его конструктора Евгения Оскаровича Патона.

Открытие моста было торжественным, как все важные события в жизни города.

Не успели горожане разойтись с торжества, со стороны аэродрома показался самолет, снизился над Днепром и нырнул под новый «патоновский» мост. Не выдержала душа Лешки-лихача — пролетел-таки под мостом. Пролетел, а на другой день был списан из отряда.

Пришел сентябрь, а с ним и начало занятий в институте. Все так же собирались у Ивана Савчука, только теперь уже не вчетвером, а втроем. Так же решали по пятьдесят задач вместо заданных десяти.

Но того духу «бодрости и веселья», что царил в бытность Алексея Павлова, уже не было. Летчик перевелся под Москву. А вслед за ним стал собираться в путь и Иван Савчук — задумал вернуться в Одессу, в политехнический.

Казалось, неприятные вести сговорились собраться разом. В конце лета 1926 года пришло письмо из Одессы от Василия Долганова. Он писал о Жорже Иванове: «Его, как талантливого человека, послали учиться за границу, хорошо летал, начал конструировать, а когда надо было возвращаться домой — не захотел...»

«Очень на него похоже,— писал Василий.— Он всегда стремился к чему-то показному».

— Мальчишка! Модник! Славолюб! — ругал Сергей своего старого приятеля по планерному кружку.

С тревогой и волнением Сергей думал о будущем. Уехали друзья. Планерный кружок распался. Авиационная специальность, которую отстаивал, за которую много лет боролся ректор Бобров, все еще не была утверждена в институте. А предстоял ответственный третий курс — первый год специализации. И Сергей решил ехать в Москву!

Осенью 1926 года Сергей Королев подал заявление в Высшее техническое училище. Его приняли.

«Постановлением приемной комиссии,— писал он в Киевский политехнический институт,— при Высшем Техническом Училище я принят в число студентов последнего, о чем ставлю вас в известность.

27.IX.1926 г. *С. Королев*».

О времени и о Королеве

У каждого человека — свое детство.

У каждого человека — свое дело.

У каждого человека — своя жизнь.

Все это вроде бы настолько просто и бесспорно, что и говорить не о чем. В конце концов, во все времена рождались люди, смолоду и навсегда определявшие свое призвание. И среди этих рано совершивших свой выбор людей всегда находились такие, которые силою своего таланта, особой одержимости, а может быть, и еще чего-то — но чего же? — умели вырастить из слабого побега первоначальной идеи, мечты мощные и жизнеспособные деревья, мачтовый лес достижений цивилизации. Ну, разумеется, мы, дети двадцатого века, с особой гордостью обращаем взгляд к тем вершинам, которые поднялись на нашей памяти, а часто и на наших глазах. И восторженно говорим: «Еще никогда так быстро»...

Да, пожалуй, прежде такого не бывало.

А почему?

Тут и кончается кажущаяся простота. И от размышлений о конкретной биографии, индивидуальном призвании, единичной судьбе мы неизбежно приходим к поискам некоего общего коэффициента, без воздей-

ствия которого родившийся в небойком Житомире мальчик никогда не смог бы отворить дверь в космос, хотя, должно быть, и вырос бы весьма достойным человеком. Потому что таланта, целеустремленности и самоотверженности часто недостаточно для того, чтобы покорить иные высоты. Больше того, иногда именно очевидность таланта, величие самоотверженности делают явным трагическое несоответствие высоких устремлений личности с теми условиями, в какие эта личность поставлена реальной жизнью. Эпопея проникновения человека в космическое пространство и в этом смысле представляет хрестоматийно выразительный, хотя и не единственный в своем роде пример.

Вам известно имя Николая Кибальчича. В историю межпланетных сообщений оно вошло лишь после Октябрьской революции. До 1917 года это имя в официальной России произносилось только шепотом, с оглядкой. Автор одной из первых заявок на ракетный летательный аппарат, непримиримый и убежденный враг самодержавия, погиб на царской виселице. Стоит ли гадать о том, что стало бы с запиской Кибальчича, последним делом его жизни, своего рода завещанием, составленным накануне казни, если бы документ не был погребен в архиве жандармского управления, а попал в руки ученых и инженеров? Не стоит. Гадать ненадобно: в довольно скором времени проекты космических ракет были созданы, теория заложена. Но хотя человека, совершившего это, миновала скорбная чаша Кибальчича, сочувствия и поддержки общества он не нашел. Над ним втихомолку посмеивались, его считали чудаком. Сама атмосфера жизни дореволюционной России обрекала гения на прозябание — таков один из уроков судьбы Циолковского.

Было бы неосмотрительно сводить смысл этого урока к традиционной формуле, выражающей разлад

личности с окружающими. «Не поняли!» Дело глубже. И не могли понять. Как не могли понять и множества других научных и практических предложений, обращенных не на достижение звезд,— какие уж тут звезды! — но преследующих самые насущные задачи облегчения народного бытия. Примеров тут не счесть, и некоторые из них обладают выразительностью гротеска, карикатуры. Когда Циолковский готовился к экзаменам на учительское звание, один из полярных исследователей, М. К. Сидоров, подал на имя наследника престола записку «О средствах вырвать Север России из бедственного положения». Воспитатель будущего царя, генерал Зиновьев, оставил на ней следующую резолюцию: «Так как на севере постоянные льды, и хлебопашество невозможно, и никакие другие промысла, то, по моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфстриме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные». Легко представить, какова могла бы быть — в глазах царя «и его приятелей» — ценность идей учителя из Калуги...

Но изберем фантастический вариант. Предположим на минуту, что некто, облеченный властью, прочитал книги Циолковского и начертал: «Принять к исполнению!» Что бы вышло из этого? Ничего. Потому что, если уж мы уподобили достижения науки мощному плодоносящему дереву, для возмужания этого дерева недостаточно одного лишь здорового семени, многообещающего побега. Нужна почва. А ее не было. Не было — или было катастрофически мало — грамотных людей, не было дорог, заводов, институтов. Словом, не было того строя жизни, который поставил свою печать на первых космических кораблях и пятиконечных вым-

пелах: СССР. Применительно к истории нашей страны можно сказать с полной определенностью: если бы не прозвучал выстрел «Авроры», то до звезд нам было бы еще далеко.

Наивно утверждать, что герой этой книги отличался от своих предшественников и учителей тем, что ему все давалось легко. Как говорится, без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Предположить, что такое небывалое начинание, как освоение космоса, обошлось без напряжения сил, не потребовало самоотверженности, смелости, дальновидности,— предположить это может либо крайне легкомысленный, либо сугубо невежественный человек.

Нет, Королеву не было легко. Людям его поколения вообще выпало на долю немало трудностей. Но как бы тяжко всем им — всем, кого мы можем назвать первым поколением советских людей,— не доставались порою успехи, от предшественников их счастливо отделяло главное. Смолоду во всех испытаниях за ними стояла опора, защита, надежда — страна, на знамени которой соединились серп и молот.

Вы прочли о том, как человек начинает жизнь. На наш взгляд, это было уже давно. Все-таки не одно минуло с той поры десятилетие. Изменились приметы быта. Изменились школьные правила и учебные программы. Больше стало студентов, и другие они, и по-другому учатся летать молодые люди. Но есть, есть родство, соединяющее нас с событиями и людьми, описанными здесь! И обозначить его можно одним словом: наше, советское. Советская школа, советские порядки, советские люди.

У каждого из нас свое детство. У каждого — свое дело. У каждого — своя жизнь. Но одно у всех нас общее — Страна, Время.

Родился ли Сергей Королев тем, кем в конце кон-

цов он стал? Безусловно, да! И безусловно, нет. Парадокс? Нет, историческая закономерность.

Мать помнит, как рано ее сын тянулся ко всему таинственному, как притягивали его «свечки в небе». Но кто из мальчишек не задает этих вопросов? Еще сын древнего Лукиана Самосатского спрашивал своего отца про звезды.

Мать видела, как ее Сергей рано начал верховодить товарищами. Но кто знал, что из мальчишечьего вожака вырастет большой руководитель и ученый...

А он мог бы и не стать им, если бы... Если бы не люди, которые ему открыли небо. Если бы не летчики, которые научили летать, если бы не конструкторы, показавшие первые линии на чертеже. И есть еще десятки других «если».

Я пишу эти строки, когда человеческие руки второй раз дотронулись до Венеры. Только что с матерью Сергея Королева Марией Николаевной мы слушали по радио сообщение ТАСС о том, что четвертая советская автоматическая станция совершила посадку на планету Венера. Первые три «Венеры» запускал Королев. Его уже не было в живых, когда автоматическая станция «Венера-3» доставила на планету первые советские вымпелы. Человека нет, а дело его живет.

Да, люди еще не совсем осознали, что такое новая космическая эра, в которую мы живем, каким огромным ускорителем явилась ракета. Большое видится на расстоянье...

Сергей Королев родился в 1906 году. Тогда даже самолеты только учились летать. Человек едва еще поднялся в небо. Бабушка водила его за руку в Нежине на загородное поле, где летал Сергей Уточкин. Сергей Королев подрастал, когда страна сразу после революции, по заданию Ленина, начала строить свою авиацию. Одесские летчики открыли Сергею Королеву небо,

оторвали его от земли, на которую он уже не захотел спускаться. Может быть, случайность, что один из первых летчиков, учивший Королева летать, Александр Васильевич Шляпников, штурмовал Зимний. Но это знаменательная случайность.

Шляпников, штурмуя Зимний, вместе с другими завоевал народу новую жизнь. Он остался летчиком. Королев вывел первую ракету в космос. Это шаг в другой мир, в другую эпоху.

Может быть, случайность, что Сергей, шестнадцатилетний юноша, прибился к отряду красных летчиков, охранявших советские берега. Но это историческая случайность. Он рос и формировался в среде матросов и морских летчиков и впитал их хорошие традиции.

Могло ли быть случаем, что Сергей Королев в свои шестнадцать лет стал и лектором, и автором проекта, и одним из организаторов Общества авиации? Нет, и это не случай. Молодой Советской республике нужны были такие таланты, и она их находила в народной среде. Заметили и организаторский талант Сергея Королева и тогда еще, в далеком 1924 году, поддержали этот талант, дали ему развиться, окрепнуть.

Покидая Одессу, Сергей имел в руках две бумаги: одну об окончании строительной профшколы, другую о работе в Обществе авиации. И стройшкола, и общество были рождены в Одессе Советской властью. Она и дала юному Сергею Королеву путевку в жизнь.

По путевке Наробраза Сергей Королев поступил учиться в Киевский политехнический институт. И опять, как в Одессе, время, эпоха коснулись его. О нем позаботились и ректор В. Ф. Бобров, и старый профессор Е. О. Патон, и декан факультета Г. О. Сухомел. Это для таких, как Королев, они оборудовали в то трудное время разрухи и голода лаборатории, привле-

кали лучших старых профессоров... Королев «грыз науку», впитывал ее в себя.

В институте он учился среди людей, прошедших гражданскую. Завидовал им и сожалел, что был тогда еще мал и не мог идти вместе с ними. Помните его порыв, когда Сергей сбегает с верного заработка на съемки фильма «Трипольская трагедия»? Живя в двадцатые годы, он сумел пройти «свою гражданку», сумел как бы пожить в эпоху своего старшего поколения.

Снимаясь в Трипольской, сумел пожить в своем прошлом; запустив вымпел на Венеру, пережил самого себя и унесся в будущее... Так в какую же эпоху он жил? И хочется сказать о нем словами, которые когда-нибудь скажут наши далекие потомки:

«Он жил на рубеже двух эпох, двух эр: эры земной и эры космической. Он был живым воплощением связи времен»...

Послесловие

Читала, и сын-подросток возник передо мной...

Время было нелегкое, революция, голод, разруха — и крылатые мечты о лучшем будущем для народа, дававшие силы пережить все это. Борьба не только за то, чтобы мальчик выжил, вырос, но и чтобы развились в нем и пошли по правильному пути выявлявшиеся с детства черты его характера: сильная воля, организаторские способности, умение быстро оценивать обстановку, быстро выбирать правильное решение. И фантастические мечты — полететь бы как птице... «Мама, не пожалей мне две крепкие простыни,— попросил он как-то меня,— привяжу их к рукам и ногам, взберусь на самый верх нашей новой трубы на станции, взмахну руками и полечу, полечу...» Смелый, крепкий, он чудесно плавал, нырял.

Мы с мужем моим, ставшим ему вторым отцом, исподволь наблюдали за ним, стараясь, чтобы наш способный мальчик — а это несомненно было для нас — не оторвался от дома, от учебы.

Григорий Михайлович, который самостоятельно пробил себе дорогу в жизнь от сельской школы в вологодской глуши до инженера и научного работника, с виду строгий и как будто бы даже суровый, внима-

тельно и любовно следил за Сергеем. Мы, не сговариваясь, шли здесь одной дорогой.

Конечно, я не могла бы вспомнить многие эпизоды его детства и юности. И как хорошо, что в написании этой книги помогли его товарищи, друзья, которые не забыли Сергея Павловича в ранние годы его жизни.

Книжка получилась, на мой взгляд, правдивая и интересная.

М. Баланина,
мать С. П. Королева

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЫВЕЛ ЛЮДЕЙ В КОСМОС 3

МОРЕ УХОДИТ В НЕБО 5

ОДИН ШАГ В ВЕЧНОСТЬ 28

НАЧНЕМ С МАЛОГО 48

ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ 80

«Я ГРЫЗ НАУКУ» 104

О ВРЕМЕНИ И О КОРОЛЕВЕ 134

ПОСЛЕСЛОВИЕ 141

Апенченко Ольга

СЕРГЕЙ КОРОЛЕВ

Редактор *А. Т. Шаповалова*

Художник *А. С. Лесковец*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *А. И. Данилина*

Сдано в набор 19 сентября 1968 г. Подписано в печать 12 февраля 1969 г. Формат 70 × 108 1/32. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 6, 65. Учетно-изд. л. 6,14. Тираж 100 тыс. экз. А 03629. Заказ № 1753. Цена 22 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

КОГДА ИМ БЫЛО ДВАДЦАТЬ

22 коп.